18+

МАРК ВЕЙР

Квартира №13

Марк Вейр

Квартира №13

«Издательские решения»

Вейр М.

Квартира №13 / М. Вейр — «Издательские решения»,

Двадцать три года дверь квартиры №13 оставалась запертой. Но кто тогда стучит за ней по ночам? Получив неожиданное наследство, Анна Миронова возвращается в старый дом, где прошло её забытое детство. В первую же ночь она слышит за дверью голос матери, умершей семь лет назад. С каждым новым открытием Анна приближается к страшной тайне прошлого. Но кто-то готов на всё, чтобы она осталась нераскрытой. Некоторые двери лучше не открывать.

© Вейр М.
© Издательские решения

Содержание

КВАРТИРА №13 6
ГЛАВА 1. Наследство 10
ГЛАВА 2. Три удара 22
ГЛАВА 3. Женщина с фотографии 38
ГЛАВА 4. За стеной 47
ГЛАВА 5. Человек с ключами 57
ГЛАВА 6. Голос из прошлого 67
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Квартира №13

Марк Вейр

© Марк Вейр, 2026

ISBN 978-5-0071-5431-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАРТИРА №13
Марк Вейр
ПРОЛОГ. Последний звонок

Октябрь 2003 года.

К трём часам ночи дождь превратился в ровный, почти неслышный шорох. Он стекал по мутному стеклу диспетчерской, собирался на наружном подоконнике и срывался вниз тяжёлыми каплями. В жёлтом круге настольной лампы лежал раскрытый журнал вызовов. За пределами этого круга кабинет казался нежилым: металлический шкаф, вешалка с промокшим плащом, радиоприёмник на подоконнике и два стула, один из которых никто не занимал уже несколько лет.

Елена Викторовна Савина дежурила здесь почти половину своей взрослой жизни. Она различала по голосу пьяных жильцов, перепуганных стариков и людей, которые звонили просто потому, что ночью им не с кем было поговорить. Самым надёжным её инструментом был не телефон, а журнал: время, адрес, причина вызова, кому передано сообщение. Запись она всегда заканчивала короткой чертой под номером квартиры. Коллеги посмеивались над этой привычкой, но Елена не отказывалась от неё даже в самые суматошные смены.

Сегодня звонков было мало. На втором этаже дома у вокзала потекла батарея; где-то застрял лифт; мужчина с невнятной дикцией требовал немедленно отключить отопление во всём квартале, потому что в его квартире было жарко. Елена записала последнее обращение, поставила свою привычную черту и потёрла переносицу. До конца смены оставалось несколько часов.

На часах над дверью было 03:13, когда зазвонил телефон.

— Аварийно-диспетчерская служба. Савина, слушаю вас.

Сначала она услышала лишь дыхание и странный сухой треск, будто собеседница говорила из комнаты, где работал старый магнитофон.

— Назовите адрес, — повторила Елена.

— Тихая, семнадцать. Квартира тринадцать, — ответил женский голос.

Елена записала адрес. Ручка на мгновение остановилась над графой «Причина».

— Что у вас случилось?

— Они снова пришли. Пожалуйста, не оставляйте меня одну.

Елена выпрямилась. Она уже собиралась спросить имя звонившей, когда в трубке послышались три глухих удара. Между ними было ровно столько времени, сколько человеку нужно, чтобы решиться постучать ещё раз.

— Как вас зовут?

— Марина.

Голос стал тише. На заднем плане что-то скрипнуло, и женщина поспешно добавила:

— Если они скажут, что я ушла, не верьте.

— Марина, слушайте меня. Я сейчас передам вызов. Вы можете закрыть дверь?

Ответа не было. Вместо него Елена услышала короткий щелчок, словно на другом конце провода нажали кнопку записи.

Связь оборвалась.

Елена ещё несколько секунд держала трубку возле уха, прислушиваясь к коротким гудкам.

Потом медленно положила её на рычаги.

В кабинете стало необыкновенно тихо.

Дождь всё так же стекал по стеклу, за окном покачивались голые ветви тополя, а на подоконнике темнел старый радиоприёмник, внезапно замолчавший несколькими минутами раньше.

Елена посмотрела на журнал.

Она собиралась дописать обстоятельства вызова, но вдруг заметила, что на соседней странице, среди записей предыдущей смены, уже стоит знакомый адрес.

Тихая, 17. Квартира 13.

Елена нахмурилась.

Она была уверена, что вчера по этому адресу никто не звонил.

И всё же запись существовала.

Те же мелкие аккуратные буквы, тот же наклон вправо, даже привычная черта под номером квартиры.

Елена перевернула страницу.

Ещё одна запись.

Позавчера.

Тот же адрес.

То же время.

03:13.

Она медленно провела пальцем по бумаге.

Чернила высохли давно.

Елена хорошо знала собственный почерк. И хорошо знала, что могла забыть купить хлеб, выключить утюг или ответить дочери на письмо.

Но не могла забыть три ночных вызова подряд из одной и той же квартиры.

Особенно таких.

Она придвинула журнал ближе к лампе.

На полях одной из записей стояло короткое замечание:

«Не оставлять одну».

Елена почувствовала неприятное покалывание в затылке.

Эти слова она произнесла Марине всего несколько минут назад.

Вернее, Марина попросила её об этом.

Не оставляйте меня одну.

Но запись была сделана раньше.

Елена посмотрела на часы.

Те показывали 03:21.

Всё шло своим чередом.

Время не остановилось.

Ничего не изменилось.

И от этого становилось только страшнее.

Кто-то заранее знал, какие слова прозвучат в эту ночь.

Или хотел, чтобы Елена так подумала.

Она закрыла журнал.

Потом снова открыла.

Нет.

Записи не исчезли.

Елена поднялась, подошла к двери и прислушалась.

В коридоре было тихо.

Где-то внизу гудела вентиляция.

Она взялась за дверную ручку.

И тут услышала шаги.

Медленные.

Осторожные.

Кто-то шёл по коридору к её кабинету.

Елена отступила.

Шаги остановились прямо за дверью.

Три удара.

Тук.

Тук.

Тук.

Она застыла.

Тот же ритм.

Тот самый, который слышала в телефонной трубке.

— Кто там? — спросила Елена.

Ответа не было.

Она посмотрела на настенные часы.

03:22.

В коридоре что-то тихо зашуршало.

Затем раздался женский голос:

— Елена Викторовна, откройте.

Елена не пошевелилась.

Голос был знакомым.

Очень знакомым.

Она слышала его всю жизнь.

Когда разговаривала с дочерью.

Когда ругалась с мужем.

Когда отвечала на телефонные звонки.

Когда по утрам смотрела в зеркало и говорила себе, что пора наконец выспаться.

Это был её собственный голос.

— Кто вы? — прошептала Елена.

За дверью помолчали.

Затем ответили:

— Вы ведь обещали не оставлять меня одну.

Елена отступила ещё на шаг.

На столе зазвонил телефон.

Она обернулась.

Чёрный аппарат дрожал от резкого металлического звона.

Один звонок.

Второй.

Третий.

Елена вспомнила запись на полях журнала.

«Не оставлять одну».

И вдруг поняла: женщина, звонившая из квартиры №13, могла быть не единственной, кому этой ночью нужна помощь.

Она сделала шаг к телефону.

За дверью кто-то тихо засмеялся.

Елена остановилась.

Потом услышала шёпот:

— Не отвечайте, Елена Викторовна.

Она посмотрела на телефон.

Тот продолжал звонить.
— Почему? — спросила Елена, сама не понимая, кому задаёт вопрос.
Голос за дверью ответил:
— Потому что сейчас вы услышите себя.
Елена медленно протянула руку к трубке.
И сняла её.
— Алло?
Несколько секунд в трубке стояла тишина.
Потом женский голос произнёс:
— Аварийно-диспетчерская служба. Савина, слушаю вас.
Елена закрыла глаза.
Это действительно был её голос.
Записанный.
Чуть глухой, с характерным шипением старой плёнки.
И вслед за ним прозвучала следующая фраза:
— Назовите адрес.
Елена поняла, что слушает запись собственного разговора.
Но запись ещё не могла существовать.
По крайней мере, она не знала, кто и когда успел её сделать.
За дверью снова раздались три удара.
И голос сказал:
— Теперь вы тоже знаете.
Елена медленно повернула голову.
Под дверью лежал белый конверт.
Его только что просунули из коридора.
На лицевой стороне аккуратным почерком было написано:
«Для Анны Мироновой. Когда она вернётся».
Анне тогда было девять лет.
И Елена Савина понятия не имела, кто это.

ГЛАВА 1. Наследство

Двадцать три года спустя

Анна Миронова ненавидела опаздывать.

Не просто не любила — именно ненавидела, с той почти физической неприязнью, которую испытывают люди, привыкшие держать под контролем хотя бы небольшую часть собственной жизни.

Поэтому, когда поезд прибыл на сорок семь минут позже расписания, она уже успела трижды проверить адрес квартиры, дважды позвонить представителю управляющей организации и мысленно составить перечень всего, что сегодня наверняка пойдёт не так.

Последний пункт оказался самым длинным.

Вокзальная площадь встретила её холодным ветром и запахом мокрого асфальта. Октябрь в этом городе не отличался особенной красотой. Деревья уже сбросили большую часть листвы, серые облака висели так низко, будто цеплялись за крыши домов, а в лужах отражалось бесцветное небо.

Анна остановилась под козырьком вокзала и достала телефон.

На экране было три непрочитанных сообщения.

Два рабочих.

Одно от подруги.

«Ну что, наследница, уже осматриваешь свои владения?»

Анна усмехнулась.

«Пока только вокзал. Владения ещё не видела».

Она убрала телефон, поправила ремень сумки и направилась к стоянке такси.

Ей было тридцать два года. Невысокая, с тёмно-каштановыми волосами до плеч и внимательными серыми глазами, она производила впечатление человека, который всегда знает, чего хочет.

В действительности Анна часто сомневалась.

Просто давно научилась не показывать этого окружающим.

Когда нервничала, она потирала большим пальцем левой руки небольшой белёсый шрам на внутренней стороне запястья.

Сейчас она делала это уже несколько минут.

Анна заметила движение и заставила себя остановиться.

Шрам появился в детстве.

Откуда именно — она не помнила.

Мать говорила, что Анна порезалась стеклом, когда играла у родственников.

Каких родственников, мать никогда не уточняла.

Да Анна и не спрашивала.

До недавнего времени.

— Тихая, семнадцать? — переспросил водитель, когда она назвала адрес.

— Да.

Мужчина, плотный, лет пятидесяти, с коротко подстриженными седыми волосами, взглянул на неё в зеркало заднего вида.

— В старый район, значит.

— А что с ним не так?

— Да ничего. Просто редко туда теперь езжу.

Он включил поворотник и выехал с площади.

Некоторое время они ехали молча.

За окнами сменялись магазины, остановки, мокрые дворы. На перекрёстках собирались небольшие очереди автомобилей. Люди спешили под зонтами, прижимая к груди сумки и пакеты.

Город жил своей обычной жизнью.

Анна смотрела в окно и думала о Вере Павловне.

О женщине, которая оставила ей квартиру.

О женщине, которую она почти не помнила.

Три недели назад нотариус сообщил о наследстве так буднично, словно речь шла о забытом зонтике.

Вера Павловна Миронова умерла в возрасте восьмидесяти одного года.

Наследников, кроме Анны, в завещании не было.

Квартира находилась в старом доме на улице Тихой.

Завещание было составлено много лет назад.

И именно это обстоятельство не давало Анне покоя.

Почему Вера Павловна решила оставить квартиру ей, когда Анна была ещё ребёнком?

Почему не матери?

Почему не кому-нибудь из близких знакомых?

И почему за все последующие годы она ни разу не попыталась связаться с Анной?

— Вы там жить собираетесь? — спросил водитель.

Анна отвлеклась от мыслей.

— Пока не знаю. Посмотрю состояние квартиры.

— Продавать будете?

— Возможно.

Водитель кивнул.

— Там дома старые. С коммуникациями беда. Но район тихий.

Он помолчал.

— Хотя улица своё название не всегда оправдывает.

Анна посмотрела на него.

— В каком смысле?

— Да так. Всякое бывало.

Она хотела расспросить подробнее, но водитель уже переключил внимание на дорогу.

За поворотом показались пятиэтажные дома.

Похожие друг на друга, словно поставленные в ряд коробки, они стояли вдоль узкой улицы, по которой ветер гнал мокрые листья.

Такси замедлило ход.

— Приехали.

Анна посмотрела вперёд.

Дом номер семнадцать был серым.

Не просто серым от краски или бетона. Казалось, этот цвет въелся в него за десятилетия дождей, зим и пыли.

Пять этажей.

Три подъезда.

Облупившаяся штукатурка.

Старые деревянные рамы вперемешку с новыми пластиковыми окнами.

Над входом висел покосившийся металлический козырёк.

На третьем этаже одно окно было закрыто листом фанеры.

Анна задержала на нём взгляд.

И вдруг почувствовала странное, необъяснимое беспокойство.

Будто уже видела это окно.

Не на фотографии.

Не из машины.

А когда-то давно.

Снизу.

Стоя на мокром асфальте и запрокинув голову.

Она моргнула.

Ощущение исчезло.

— Девушка, вам багажник открыть?

— Да. Спасибо.

В подъезде пахло сыростью, старой краской и чем-то сладковатым, напоминавшим увядшие цветы.

Анна остановилась у входа.

На стене висело большое прямоугольное зеркало с потемневшей рамой. В нижнем углу стекла расходилась тонкая трещина.

Под зеркалом стояла узкая деревянная скамейка.

Кто-то оставил на ней сложенную газету.

Лампочка под потолком мигнула.

Потом ещё раз.

И загорелась ровным жёлтым светом.

Анна посмотрела на лестницу.

Ступени были истёрты посередине. Металлические перила местами потеряли краску. На стене между первым и вторым этажами виднелся след от когда-то висевшей картины или объявления — прямоугольник более светлой штукатурки.

Дом был старым.

Но дело было не только в возрасте.

Здесь чувствовалось что-то странное.

Не угроза.

Скорее присутствие.

Словно дом давно привык наблюдать за людьми и теперь с безразличным любопытством разглядывал новую гостью.

Анна раздражённо усмехнулась собственным мыслям.

Приехала на пять минут, а уже придумываю страшилки.

Она подняла чемодан и начала подниматься.

На втором этаже кто-то готовил ужин. Пахло жареным луком. Из-за одной двери доносился телевизор, за другой плакал ребёнок.

Обычный жилой дом.

Обычные люди.

Анна немного успокоилась.

Но на лестничной площадке третьего этажа запахи исчезли.

Здесь было прохладнее.

И необычно тихо.

Она остановилась.

Перед ней находились четыре двери.

На трёх были обычные металлические номера.

10.

11.

12.

А четвёртая дверь отличалась от остальных.

Старая.

Тёмно-коричневая.

Обитая потрескавшимся дерматином.

На месте глазка виднелось небольшое чёрное отверстие.

Номер тринадцать висел криво, на одном шурупе.

Поперёк дверной коробки тянулась пожелтевшая бумажная полоса.

Анна подошла ближе.

Наклонилась.

На бумаге сохранились отдельные слова.

«…доступ ограничен…»

Ниже — выцветшая печать.

И дата.

Двадцать три года назад.

Анна выпрямилась.

Она вдруг ощутила знакомое покалывание в левой руке.

Большой палец сам нашёл шрам на запястье.

— Не советую.

Голос раздался так близко, что Анна вздрогнула.

У лестницы стояла пожилая женщина.

Невысокая, сухощавая, в тёмно-синем домашнем халате и вязаной кофте. Седые волосы были аккуратно уложены, а тонкие губы сжаты в почти незаметную линию.

В одной руке женщина держала небольшой мусорный пакет.

Другой придерживала перила.

— Простите? — спросила Анна.

— Не советую подходить к этой двери.

Старушка посмотрела на квартиру №13.

Не испуганно.

Скорее с неприязнью.

Как смотрят на вещь, которая однажды причинила боль и с тех пор напоминает об этом одним своим существованием.

— Почему?

— Потому что закрыта.

— Это я вижу.

Женщина перевела взгляд на чемодан.

— Вы к кому?

— В двенадцатую квартиру.

— К Вере Павловне?

Анна почувствовала лёгкую неловкость.

— Я её родственница. Она умерла.

— Знаю.

Старушка опустила глаза.

— Хорошая была женщина.

Они помолчали.

Потом пожилая соседка спросила:

— Вы Анна?

Анна насторожилась.

— Да. А откуда вы знаете?

Женщина подняла на неё глаза.

И в этот момент Анне показалось, что та испугалась.

Не её появления.

Чего-то другого.

Чего-то, что только что вспомнила.

— Вера Павловна говорила, — ответила старушка.

— Обо мне?

— Иногда.

— Странно. Я её почти не помню.

Женщина долго смотрела на Анну.

Потом тихо произнесла:

— А она вас помнила очень хорошо.

В подъезде где-то хлопнула дверь.

Старушка вздрогнула.

Анна заметила, как крепко та сжала ручки мусорного пакета.

— Меня Нина Степановна зовут, — сказала женщина. — Одиннадцатая квартира. Если понадобится что-нибудь, заходите.

— Спасибо.

Нина Степановна сделала шаг к лестнице.

Остановилась.

— И ещё, Анна.

— Да?

Старушка посмотрела на дверь квартиры №13.

— По ночам здесь иногда стучат трубы.

— Бывает.

— Дом старый.

— Понимаю.

— Только вы не отвечайте.

Анна нахмурилась.

— На что?

Нина Степановна медленно повернула голову.

— На стук.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом старушка словно опомнилась.

— Господи, что это я. Совсем уже старая. Не слушайте меня.

Она поспешно спустилась вниз.

Анна осталась одна.

В подъезде снова стало тихо.

Она посмотрела на дверь №13.

И вдруг ей показалось, что из-за неё донёсся едва различимый звук.

Не стук.

Не скрип.

Скорее тихий вздох.

Анна задержала дыхание.

Прислушалась.

Ничего.

Она медленно отступила к своей двери.

Достала ключи.

И открыла квартиру №12.

Первое, что она почувствовала, — запах лаванды.

Очень слабый.

Почти исчезнувший.

Но отчётливый.

Анна остановилась на пороге.

Перед глазами неожиданно возник образ.

Белое полотенце.

Тёплая вода в эмалированном тазу.

Чьи-то худые руки, осторожно промывающие ей ладонь.

И голос:

— Терпи, Анечка. Сейчас перестанет.

Анна резко вдохнула.

Образ исчез.

Она посмотрела на левое запястье.

На шрам.

Потом медленно закрыла за собой дверь.

В квартире было тихо.

Но теперь Анна уже не могла избавиться от ощущения, что приехала не в совершенно незнакомое место.

А туда, откуда когда-то очень давно уехала.

И куда почему-то не должна была возвращаться.

Квартира встретила Анну тишиной, в которой чувствовалось что-то почти церемонное.

Не той обычной тишиной пустого жилья, когда за стеной гудит холодильник, где-то капает кран, а из открытого окна доносится шум улицы. Здесь словно всё давно остановилось и терпеливо дожидалось человека, которому предстояло снова привести вещи в движение.

Анна поставила чемодан возле обувной тумбы.

Под ногами негромко скрипнул паркет.

Она огляделась.

Прихожая была узкой, вытянутой, с высокими потолками и обоями цвета выцветшего песка. На стене висела деревянная вешалка с четырьмя крючками. На одном остался старый шерстяной платок, аккуратно сложенный вдвое.

Под вешалкой стояла низкая скамейка с потёртым кожаным сиденьем.

На ней лежала обувная ложка.

Анна невольно улыбнулась.

Вот уж что никогда не меняется.

У пожилых людей даже самые незначительные предметы часто имели своё постоянное место. Вещи не столько хранились, сколько жили по заведённому порядку.

Она сняла куртку и повесила на свободный крючок.

Потом прошла дальше.

Квартира состояла из двух комнат, кухни, небольшой ванной и длинного коридора. Планировка была старомодной: высокие дверные проёмы, тяжёлые деревянные двери, широкие подоконники.

В гостиной стоял диван с тёмно-зелёной обивкой, два кресла и массивный шкаф со стеклянными дверцами. На полках — книги, фарфоровые фигурки, старые фотографии.

У окна находился письменный стол.

На нём лежала стопка газет, перевязанная бечёвкой.

Рядом стояла фотография в деревянной рамке.

Анна подошла ближе.

На снимке была пожилая женщина с прямой спиной и собранными в пучок серебристыми волосами.

Вера Павловна.

Рядом с ней стояла девочка лет девяти.

Тёмные волосы.

Белый бант.

Серьёзное, немного упрямое лицо.

Анна почувствовала, как сердце сделало странный, неровный удар.

Девочка была она.

Без всякого сомнения.

Анна подняла рамку.

На фотографии она стояла перед каким-то домом. За спиной виднелась кирпичная стена и часть деревянной двери.

Девочка держала в руках маленькую мягкую игрушку — серого зайца с одним опущенным ухом.

Анна нахмурилась.

Заяц показался знакомым.

Очень знакомым.

Она помнила, что в детстве у неё была такая игрушка. Кажется, звали его Тимошей.

Но не могла вспомнить, куда он делся.

Анна перевернула рамку.

На обратной стороне выцветшими чернилами было написано:

«Анечка. Октябрь. Наш последний хороший день».

Ни года.

Ни объяснений.

Только эти слова.

Анна провела пальцем по надписи.

Последний хороший день.

Почему последний?

Что произошло потом?

Она попыталась вспомнить тот октябрь.

Ей было девять лет.

Мать тогда часто болела. Отец работал в другом городе и приезжал редко. Анна помнила школу, длинный коридор с зелёными стенами, запах мокрых варежек и старую учительницу, которая всегда носила брошь в форме птицы.

Но Веру Павловну…

Нет.

Почти ничего.

Лишь смутное ощущение тёплых рук и запаха лаванды.

Анна поставила фотографию обратно.

Потом открыла шкаф.

На верхней полке лежали аккуратно сложенные полотенца. Ниже — несколько коробок, подписанных от руки.

«Письма».

«Документы».

«Фотографии».

Анна задержалась на последней.

Потянулась.

Достала коробку.

Картон был старым, но крепким. Крышка сидела плотно.

Внутри лежали десятки фотографий, некоторые уже пожелтевшие по краям.

На одних Вера Павловна стояла среди незнакомых людей. На других — возле какого-то учреждения, в саду, на фоне реки.

Анна перебирала снимки медленно.

И вдруг остановилась.

На одной фотографии была молодая женщина.

Лет двадцати пяти.

Светлые волосы до плеч, большие тёмные глаза, тонкий нос.

Она сидела на деревянной скамейке и улыбалась в объектив.

Рядом стояла маленькая Анна.

Та самая девочка с белым бантом.

Только теперь она не смотрела в камеру.

Она смотрела на женщину.

С таким выражением лица, будто та только что сказала что-то очень смешное.

Анна перевернула фотографию.

На обороте было написано:

«Марина и Аня. За два дня до случившегося».

Анна долго смотрела на эти слова.

До случившегося.

Какого случившегося?

Она снова взглянула на молодую женщину.

Марина.

Имя ничего ей не говорило.

Но улыбка…

Улыбка казалась странно знакомой.

Анна закрыла глаза.

И вдруг услышала смех.

Не настоящий.

Воспоминание.

Женский смех.

Светлый, звонкий.

И чей-то голос:

— А теперь слушай внимательно, Анечка. Если я постучу три раза, ты должна ответить.

Анна резко открыла глаза.

Комната была пуста.

За окном шёл дождь.

Она медленно положила фотографию на стол.

Три раза.

Почему именно три?

Она не знала.

Но от этих слов у неё почему-то похолодели пальцы.

На кухне всё было устроено с той же педантичной аккуратностью.

Небольшой круглый стол под клеёнкой с выцветшими цветами. Два деревянных стула. Белый холодильник с пожелтевшей ручкой. На подоконнике — пустой горшок из-под герани.

В шкафчике над раковиной стояли чашки.

Одна из них была особенно старой — белая, с тонкой синей полосой по краю.

Анна взяла её.

И вдруг поняла, что знает, где у этой чашки скол.

Она повернула её.

На ручке действительно отсутствовал маленький кусочек фарфора.

Анна замерла.

Она никогда не видела эту кухню.

По крайней мере, не помнила.

Но знала чашку.

Знала запах лаванды.

Знала, как скрипит паркет в коридоре.

И знала, что в спальне, за тяжёлой деревянной дверью, стоит кровать с резной спинкой.

Эта мысль возникла совершенно неожиданно.

Анна медленно поставила чашку.

Прошла по коридору.

Открыла дверь спальни.

Кровать действительно была там.

С высокой деревянной спинкой.

На ней лежало покрывало цвета тёмной вишни.

Анна остановилась на пороге.

Внутри что-то неприятно сжалось.

Она попыталась убедить себя, что просто угадала.

Старые квартиры часто похожи друг на друга.

Старая мебель — тоже.

Но почему-то именно сейчас ей стало страшно.

Не сильно.

Пока ещё нет.

Скорее тревожно.

Как бывает, когда случайно слышишь знакомую мелодию и не можешь вспомнить, где слышал её раньше.

Анна закрыла дверь спальни.

Вернулась в гостиную.

И только теперь заметила часы.

Они висели над письменным столом.

Круглые.

В деревянной оправе.

Стрелки остановились.

Большая — на тринадцати минутах.

Маленькая — чуть за тройкой.

03:13.

Анна посмотрела на них несколько секунд.

Потом пожала плечами.

Батарейка села.

Она подошла к окну.

За стеклом темнел двор.

Дождь усилился.

Внизу, возле подъезда, стояла женщина под красным зонтом.

Она не двигалась.

Просто стояла и смотрела на дом.

Анна присмотрелась.

Женщина была слишком далеко, чтобы различить лицо.

Но что-то в её неподвижности показалось неприятным.

Анна отошла от окна.

Хватит.

Она приехала сюда не для того, чтобы придумывать загадки.

Ей нужно было оценить состояние квартиры, решить, что делать с мебелью, поговорить с управляющей организацией и вернуться домой.

Обычные дела.

Рациональные.

Понятные.

Она достала телефон.

Сигнал был слабым.

Анна написала подруге:

«Квартира нормальная. Только дом жутковатый. Как декорация для фильма ужасов».

Подруга ответила почти сразу:

«Не пугай меня. Там хоть соседи живые?»

Анна усмехнулась.

«Одна точно. Очень странная бабушка».

«Главное, чтобы не призрак».

Анна уже собиралась ответить, когда услышала звук.

Тихий.

Почти незаметный.

Будто кто-то осторожно провёл ладонью по стене.

Она подняла голову.

Звук шёл со стороны гостиной.

Из стены за диваном.

Анна прислушалась.

Тишина.

Она подошла ближе.

Приложила ладонь к обоям.

Стена была холодной.

За ней находилась соседняя квартира.

Тринадцатая.

Анна отступила.

Трубы.

Нина Степановна предупреждала.

Старый дом.

Ничего необычного.

Она вернулась к телефону.

Но сообщение подруге так и не отправила.

К десяти вечера Анна успела разобрать чемодан, принять душ и приготовить себе чай.

В квартире было прохладно.

Батареи едва теплились.

Она надела толстые носки, укуталась в плед и устроилась на диване.

На столе лежали фотографии.

Анна снова взяла снимок с Мариной.

Долго смотрела на молодую женщину.

Потом перевернула.

«За два дня до случившегося».

Она попыталась представить, что могло произойти двадцать три года назад.

Несчастный случай?

Пожар?

Ссора?

Почему никто никогда не рассказывал ей об этом?

Анна вспомнила мать.
Та умерла семь лет назад.
И теперь спросить было некого.
Отец жил далеко. Они почти не общались.
Анна могла бы позвонить ему.
Но не хотела.
По крайней мере, не сегодня.
Она положила фотографию рядом с телефоном.
За окном дождь постепенно стихал.
В квартире было тихо.
Только где-то в стене негромко гудела труба.
Анна закрыла глаза.
Завтра разберусь.
Она проснулась от стука.
Сначала не поняла, где находится.
Темнота.
Незнакомый потолок.
Холодный воздух.
Плед сполз на пол.
Анна приподнялась на локтях.
Прислушалась.
Ничего.
Она уже собиралась снова лечь, когда звук повторился.
Тук.
Тук.
Тук.
Три медленных удара.
Анна села.
Звук шёл из стены.
Той самой, за которой находилась квартира №13.
Она посмотрела на телефон.
03:13.
Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.
— Ну конечно, — прошептала она. — Именно сейчас.
Она включила фонарик и подошла к стене.
Приложила ухо.
Сначала услышала только слабое гудение.
Потом — тихий шорох.
Словно кто-то медленно двигался по комнате.
Анна отступила.
Соседи.
Трубы.
Старый дом.
Она повторяла эти слова про себя, как заклинание.
И тут услышала голос.
Очень тихий.
Женский.
— Аня…
Анна замерла.

Голос шёл из стены.
— Анечка…
Она почувствовала, как сердце ударило сильнее.
Так её называла мать.
Только мать.
Анна медленно отступила.
— Кто там?
Тишина.
Она стояла посреди комнаты, сжимая телефон.
Потом из стены донёсся шёпот:
— Ты обещала…
Анна перестала дышать.
— Что?
Ответа не последовало.
Она сделала шаг к стене.
— Что я обещала?
И вдруг раздался стук.
Но теперь не из стены.
Из прихожей.
Тук.
Тук.
Тук.
Кто-то стоял за входной дверью.
Анна медленно повернула голову.
В коридоре было темно.
Она услышала тихое движение.
Затем женский голос произнёс:
— Анечка, открой.
Анна почувствовала, как похолодели пальцы.
Потому что этот голос принадлежал её матери.
Матери, которая умерла семь лет назад.
Анна сделала шаг назад.
И вдруг услышала ещё одну фразу.
Тихую.
Почти ласковую.
— Я знаю, что ты меня слышишь.
Пауза.
— Ты ведь уже однажды открыла.

ГЛАВА 2. Три удара

Первое, что сделала Анна, — выключила фонарик.

Потом сразу пожалела об этом.

Темнота в квартире была не полной. Сквозь неплотно задёрнутые шторы проникал бледный свет дворового фонаря, и знакомые за день предметы превратились в странные, бесформенные силуэты. Спинка кресла напоминала согнутую человеческую фигуру. Высокий шкаф казался значительно ближе, чем был на самом деле. В стекле серванта отражалось окно, и Анне на мгновение почудилось, будто за ним кто-то стоит.

Она снова включила фонарик.

Луч выхватил из темноты край дивана, фотографию на столе и старые часы.

Стрелки по-прежнему показывали тринадцать минут четвёртого.

Анна перевела взгляд на телефон.

03:14.

Прошла всего минута.

Минута?

Ей казалось, что она стоит посреди комнаты уже целую вечность.

За входной дверью было тихо.

Ни шагов.

Ни шороха одежды.

Ни дыхания.

Только едва слышное гудение труб где-то в глубине стены.

Анна сглотнула.

— Кто там? — спросила она.

Собственный голос прозвучал неестественно громко.

Ответа не последовало.

Она сделала шаг к прихожей.

Потом второй.

Паркет тихо скрипнул под ногой.

Анна остановилась.

Не открывай.

Мысль возникла так отчётливо, словно кто-то произнёс её рядом.

Она вспомнила Нину Степановну.

Если услышите стук — не отвечайте.

Анна вдруг рассердилась.

На старушку.

На дом.

На собственный страх.

Ей было тридцать два года. Она жила одна, работала, самостоятельно решала проблемы и никогда не считала себя впечатлительной.

И теперь стояла в темноте, боясь подойти к собственной входной двери.

— Очень смешно, — прошептала она.

Анна прошла в прихожую.

Включила свет.

Жёлтая лампочка под потолком загорелась не сразу. Сначала коротко мигнула, потом ещё раз, и только после этого залила узкое помещение тусклым светом.

Анна подошла к двери.

На секунду ей захотелось посмотреть в глазок.

Но она остановилась.

Почему-то мысль о том, что с другой стороны кто-то может смотреть прямо на неё, показалась невыносимой.

Она достала телефон.

Открыла камеру.

Поднесла объектив к глазку и посмотрела на экран.

Лестничная площадка была пуста.

Анна медленно выдохнула.

— Ну вот.

Она уже собиралась вернуться в комнату, когда заметила кое-что странное.

На экране телефона, в нижней части изображения, виднелась тонкая светлая полоска.

Будто что-то лежало прямо перед дверью.

Анна приблизила изображение.

Бумага.

Она опустила телефон.

Посмотрела вниз.

Из-под двери действительно торчал небольшой белый уголок.

Анна замерла.

Она была уверена, что несколько минут назад ничего подобного там не было.

Очень осторожно она присела на корточки.

Коснулась бумаги двумя пальцами.

Потянула.

Это оказался небольшой листок, сложенный пополам.

Обычная белая бумага.

Без конверта.

Без подписи.

Анна развернула его.

Внутри было написано всего четыре слова.

«Не верь тому, кто стучит».

Почерк был неровный, словно писавший торопился.

Анна перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Не верь тому, кто стучит.

Она медленно подняла голову.

За дверью по-прежнему никого не было слышно.

И тогда Анна поняла, что её пугает сильнее всего.

Не голос матери.

Не стук.

Не записка.

А то, что кто-то находился по другую сторону двери достаточно близко, чтобы просунуть бумагу в щель.

И этот человек знал, что она проснулась.

Анна не открыла дверь.

Она дважды проверила замок, придвинула к двери тяжёлую обувную тумбу и вернулась в гостиную.

Записку положила на стол рядом с фотографией Марины.

Потом включила весь свет.

В гостиной.

В коридоре.

На кухне.

Даже в ванной.

Квартира сразу стала выглядеть обыкновенной.

Почти уютной.

И от этого случившееся казалось ещё более нелепым.

Анна села на диван и попыталась восстановить события последних минут.

Сначала стук в стене.

Потом голос.

Затем три удара во входную дверь.

И записка.

Она взяла телефон.

Открыла журнал вызовов.

Никаких пропущенных звонков.

Сообщений тоже не было.

Анна посмотрела на фотографию Марины.

Молодая женщина улыбалась с пожелтевшей бумаги.

«За два дня до случившегося».

— Что здесь произошло? — тихо спросила Анна.

Разумеется, фотография не ответила.

Она положила её обратно.

Потом заметила кое-что ещё.

На снимке, за плечом Марины, виднелась часть стены.

Старая кирпичная кладка.

И узкое окно.

Анна прищурилась.

Она видела это окно.

Сегодня.

Когда подъезжала к дому.

То самое окно на третьем этаже, закрытое фанерой.

Анна быстро открыла галерею телефона.

Она действительно сфотографировала дом перед входом.

На снимке было хорошо видно серый фасад, покосившийся козырёк и заколоченное окно.

Анна положила фотографии рядом.

Сравнила.

Кирпичная кладка совпадала.

Окно — тоже.

Только на старом снимке оно было открыто.

А за стеклом, в глубине комнаты, виднелось что-то тёмное.

Анна приблизила фотографию на экране телефона.

Изображение расплылось.

Она взяла бумажный снимок и поднесла к лампе.

За стеклом стояла фигура.

Человек.

Слишком далеко, чтобы различить лицо.

Но достаточно отчётливо, чтобы понять: кто-то наблюдал за Мариной и маленькой Анной в момент съёмки.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она перевернула фотографию.

«Марина и Аня. За два дня до случившегося».

Потом снова посмотрела на окно.

И вдруг заметила ещё одну деталь.

Человек за стеклом стоял не прямо.

Он слегка наклонил голову.

Так, будто прислушивался.

К пяти утра Анна так и не уснула.

Она сидела на кухне, обхватив ладонями чашку с давно остывшим чаем.

За окном постепенно светлело.

Дождь прекратился.

Серое утро медленно проступало сквозь туман, превращая мокрые дворы в плоские, почти бесцветные картины.

Анна чувствовала усталость.

Глаза жгло.

В голове гудело.

Но стоило ей закрыть веки, как она снова слышала голос матери.

«Анечка, открой».

Она знала этот голос.

Знала его интонации.

Ту мягкую хрипотцу, которая появлялась у матери по утрам.

То, как она чуть растягивала последний слог имени.

Ни один незнакомый человек не мог воспроизвести это настолько точно.

Или мог?

Анна вспомнила, что в последние годы жизни мать часто записывала ей голосовые сообщения.

Некоторые из них до сих пор хранились в старом телефоне.

Она могла бы проверить.

Сравнить.

Но мысль о том, чтобы специально слушать голос умершей матери после этой ночи, показалась почти невыносимой.

Анна отставила чашку.

Посмотрела на часы.

05:07.

До рассвета оставалось совсем немного.

И вдруг из коридора донёсся звук.

Тихий.

Металлический.

Анна напряглась.

Звук повторился.

Будто кто-то осторожно повернул ключ в замке.

Она вскочила.

Сердце бешено заколотилось.

Анна схватила телефон и бросилась в прихожую.

Тумба стояла на месте.

Дверь была закрыта.

Но ручка медленно опускалась.

Очень медленно.

Словно кто-то снаружи проверял, заперта ли дверь.

Анна застыла.

Ручка опустилась до конца.

Потом вернулась в исходное положение.

Пауза.

И снова.

Вниз.

Вверх.

Анна почувствовала, как по виску скатилась капля пота.

Она хотела закричать.

Но не смогла.

Ручка остановилась.

За дверью послышался тихий шорох.

Потом шаги.

Осторожные.

Удаляющиеся.

Анна подождала.

Минуту.

Две.

Три.

Только после этого подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке никого не было.

Но дверь квартиры №13 стояла приоткрытой.

Всего на несколько сантиметров.

Из тёмной щели тянулась узкая полоска чёрной пустоты.

Анна смотрела на неё, не в силах пошевелиться.

Вчера дверь была закрыта.

Опечатана.

А теперь…

Она медленно подняла телефон и включила камеру.

Сделала снимок.

Потом ещё один.

И вдруг дверь квартиры №13 начала закрываться.

Медленно.

Почти бесшумно.

Пока не раздался сухой щелчок замка.

Анна отступила.

И только тогда заметила, что бумажная полоса, которой была опечатана дверь, по-прежнему тянется поперёк дверной коробки.

Целая.

Неповреждённая.

В восемь утра Анна позвонила в управляющую организацию.

Ответили не сразу.

Сначала долго играла музыка.

Потом усталый женский голос сообщил, что специалист сможет прийти не раньше следующей недели.

Анна настояла на разговоре с человеком, отвечающим за дом.

Её переключили.

— Громов, — произнёс низкий мужской голос.

— Доброе утро. Меня зовут Анна Миронова. Я новая собственница двенадцатой квартиры в доме семнадцать по улице Тихой.

На другом конце линии повисла короткая пауза.
— Миронова? — переспросил мужчина.
— Да.
— Родственница Веры Павловны?
Анна нахмурилась.
— Да. А вы её знали?
— Конечно. Хорошая была женщина.
Он говорил спокойно, чуть растягивая слова.
— Чем могу помочь?
Анна посмотрела на записку, лежавшую на столе.
Потом на фотографию.
— Меня интересует квартира номер тринадцать.
Тишина.
Она услышала, как мужчина медленно выдохнул.
— А что с ней?
— Почему она опечатана?
— Давно закрыта.
— По какой причине?
— Там когда-то произошёл несчастный случай.
Анна почувствовала, как сердце ударило сильнее.
— Какой именно?
— Старые дела, Анна… Простите, не знаю вашего отчества.
— Сергеевна.
— Анна Сергеевна. Это было очень давно.
— Двадцать три года назад?
Мужчина помолчал.
— Да.
Анна посмотрела на фотографию Марины.
— Там жила женщина по имени Марина?
На этот раз пауза была длиннее.
Когда Громов заговорил, голос его стал заметно суше.
— Откуда вам известно это имя?
Анна не ответила сразу.
— Нашла старую фотографию.
— Понятно.
Он кашлянул.
— Послушайте, Анна Сергеевна. Не советую вам интересоваться этой квартирой.
— Почему?
— Потому что там нечего искать.
Анна почувствовала раздражение.
— Я и не говорила, что собираюсь что-то искать.
Громов молчал.
Потом произнёс:
— Тогда тем более. Живите спокойно.
И отключился.
Анна несколько секунд смотрела на экран.
Живите спокойно.

Странный совет человеку, который только что рассказал о ночных голосах и открывающейся опечатанной двери.

Она положила телефон.

И в этот момент раздался звонок в дверь.

Анна вздрогнула.

Подошла к глазку.

На площадке стоял мужчина лет пятидесяти восьми.

Высокий, худощавый, в тёмном пальто.

С аккуратно зачёсанными назад седыми волосами.

В руках он держал небольшую связку ключей.

Мужчина посмотрел прямо в глазок.

И улыбнулся.

Затем поднял руку и поправил манжету рубашки.

— Анна Сергеевна, — произнёс он.

Голос был знакомым.

Тем самым, который она слышала несколько минут назад по телефону.

— Виктор Андреевич Громов.

Он снова улыбнулся.

— Решил всё-таки зайти лично.

Анна не двигалась.

Громов наклонился чуть ближе к двери.

И тихо добавил:

— Нам с вами нужно поговорить.

Анна смотрела на мужчину через дверной глазок и пыталась понять, что именно её насторожило.

Не улыбка. Она была вполне обычной — сдержанной, немного усталой, такой, какой люди улыбаются незнакомцам, когда хотят произвести хорошее впечатление.

Не одежда. Тёмное пальто, серый шарф, начищенные ботинки. Ничего примечательного.

И даже не связка ключей, которую мужчина держал в правой руке.

Её насторожило то, как он стоял.

Совершенно неподвижно.

Не переминался с ноги на ногу, не оглядывался на лестницу, не проверял телефон. Просто смотрел в глазок, словно точно знал, что Анна находится по другую сторону двери и наблюдает за ним.

— Анна Сергеевна? — повторил он.

Она не ответила.

Мужчина чуть наклонил голову.

— Я понимаю, что визит неожиданный. Но вы ведь сами звонили по поводу соседней квартиры.

Анна посмотрела на часы в прихожей.

08:26.

С момента разговора прошло меньше десяти минут.

— Как вы так быстро приехали? — спросила она через дверь.

— А я и не уезжал.

— То есть?

— Живу неподалёку. За домом у нас служебное помещение. Утром обходил подвалы, когда диспетчер передала ваш звонок.

Он говорил без запинки, спокойно и уверенно.

Объяснение звучало правдоподобно.

И всё же Анна не торопилась открывать.

— У вас есть удостоверение?

Мужчина на мгновение перестал улыбаться.

Потом сунул руку во внутренний карман пальто.

— Разумеется.

Он поднял к глазку пластиковую карточку.

Анна различила фамилию.

ГРОМОВ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ.

Ниже значилось: технический смотритель жилого фонда.

Фотография соответствовала человеку за дверью.

Анна немного расслабилась.

Она отодвинула обувную тумбу, которую ночью придвинула к двери, и повернула замок.

Но прежде чем открыть, оставила накинутой дверную цепочку.

Дверь приоткрылась.

— Доброе утро, — произнёс Громов.

Вблизи он выглядел старше, чем через глазок. Кожа на лице была сухой, с глубокими складками возле рта. Под глазами залегли тёмные тени. От него пахло табаком, холодным воздухом и едва заметно — машинным маслом.

— Доброе, — ответила Анна.

Громов скользнул взглядом по цепочке.

Ничего не сказал.

— Вы хотели поговорить о тринадцатой квартире?

— Да. Но я не ожидала, что вы придёте.

— Понимаю. Могу зайти позже.

Он сделал движение, будто собирался уйти.

Анна неожиданно для себя произнесла:

— Подождите.

Громов остановился.

— Я хотела спросить: кто сейчас отвечает за эту квартиру?

— В каком смысле?

— У кого ключи? Кто следит за состоянием помещения?

— Квартира давно выведена из эксплуатации.

— Это я уже слышала. Но у неё должен быть собственник.

Громов посмотрел на неё с новым выражением.

Внимательным.

Оценивающим.

— Вы юрист, Анна Сергеевна?

— Нет.

— А чем занимаетесь?

— Это имеет отношение к квартире?

Мужчина чуть улыбнулся.

— Просто поддерживаю разговор.

Анна промолчала.

Громов убрал удостоверение в карман.

— Помещение закрыто после старого происшествия. Часть коммуникаций отключена. По документам там давно никто не проживает.

— Какого происшествия?

— Неудачного.

— Это не ответ.

Он вздохнул.

— Двадцать три года назад там пропала женщина. Были проверки, опросы, потом квартиру закрыли. Подробностей я не знаю.

Анна посмотрела ему в глаза.

— Вы ведь работали здесь в то время?

Громов не отвёл взгляда.

— Работал.

— И не знаете подробностей?

— Знаю то, что знали все. Женщина исчезла. Куда — никто не выяснил.

— Её звали Марина?

— Да.

— Белова?

Впервые за всё время Громов заметно напрягся.

Совсем немного.

Лишь мышцы возле скул стали жёстче.

— Верно.

Анна не помнила, откуда взяла фамилию. Возможно, увидела её среди бумаг Веры Павловны и не придала значения.

Но сейчас фамилия вырвалась сама.

— Марина Белова, — повторила она. — Она была знакома с моей тётей?

— Они жили по соседству.

— И всё?

— Насколько мне известно.

Анна почувствовала, что мужчина тщательно подбирает слова.

Не лжёт прямо.

Но и не говорит всего.

— А почему квартира опечатана до сих пор? — спросила она.

— Потому что никто не занимался её дальнейшей судьбой.

— Двадцать три года?

— В старом жилом фонде встречаются и более странные истории.

Громов слегка пожал плечами.

Анна посмотрела на его ключи.

— А у вас есть ключ от тринадцатой?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

— Совсем?

— Нет, Анна Сергеевна.

Он чуть наклонился к ней.

— И вам советую не искать.

Анна ощутила неприятный холодок.

— Почему вы всё время это повторяете?

Громов выпрямился.

— Потому что Вера Павловна была хорошим человеком. И мне не хотелось бы, чтобы её племянница попала в неприятности из-за старой истории.

— Какие неприятности?

— В старых домах опасные перекрытия, проводка, заброшенные помещения. Люди лезут туда из любопытства, а потом приходится вызывать аварийную бригаду.

Он произнёс это почти доброжелательно.

Но Анна уже не могла отделаться от ощущения, что слышит предупреждение другого рода.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо за информацию.

— Не за что.

Громов повернулся к лестнице.

Потом остановился.

— Кстати, Анна Сергеевна.

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы сегодня ночью плохо спали?

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— С чего вы взяли?

Он посмотрел на её лицо.

— Вы выглядите уставшей.

Анна молчала.

Громов улыбнулся.

— В этом доме многие первое время плохо спят. Старые трубы, сквозняки, звуки. Привыкнете.

Он направился к лестнице.

Анна смотрела ему вслед.

На площадке второго этажа Громов остановился, достал телефон и кому-то позвонил.

Анна не разобрала слов.

Но услышала последнюю фразу:

— Да. Она уже здесь.

Потом мужчина исчез за поворотом.

Анна закрыла дверь.

Повернула замок.

Проверила цепочку.

И только после этого позволила себе выдохнуть.

Она уже здесь.

Возможно, Громов говорил о ком-то другом.

Возможно, сообщал диспетчеру, что посетил новую собственницу квартиры.

Возможно, всё было совершенно нормально.

Но после прошедшей ночи Анна больше не доверяла слову «возможно».

Она вернулась в гостиную.

На столе лежали фотография Марины, записка из-под двери и телефон.

Анна взяла листок.

«Не верь тому, кто стучит».

Почерк был неровным, с сильным нажимом.

Она посмотрела на дверь.

Потом на фотографию.

И вдруг заметила, что на обороте снимка, под надписью Веры Павловны, есть ещё одна строка.

Очень бледная.

Почти стёртая.

Анна поднесла фотографию к окну.

Повернула под углом.

Буквы проступили в косом утреннем свете.

«Спроси у Нины, что было после полуночи».

Анна перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Нина Степановна.

Соседка из одиннадцатой квартиры.

Та самая женщина, которая вчера предупредила её не отвечать на стук.

Анна посмотрела на часы.

08:43.

Она решила, что ждать больше не станет.

Нина Степановна открыла не сразу.

Сначала за дверью послышались шаркающие шаги.

Потом щёлкнул замок.

Затем второй.

И только после этого дверь приоткрылась.

— Аня? — удивилась старушка.

Она была в том же тёмно-синем халате, но теперь поверх него накинула старую вязаную шаль.

— Доброе утро. Простите, что так рано.

Нина Степановна посмотрела на неё внимательно.

— Что-то случилось?

Анна помедлила.

— Можно поговорить?

Старушка несколько секунд молчала.

Потом отступила в сторону.

— Заходи.

Квартира Нины Степановны была совсем не похожа на жильё Веры Павловны.

Здесь было тесно.

Много мебели.

Много вещей.

Много запахов.

На кухне пахло свежезаваренным чаем, лекарствами и старой древесиной. На подоконнике стояли банки с рассадой. Над столом висел настенный календарь с изображением котёнка.

Нина Степановна предложила Анне сесть.

— Чаю?

— Нет, спасибо.

— А зря. Ты бледная.

Анна села на табурет.

Старушка устроилась напротив.

Несколько секунд они молчали.

Потом Анна достала фотографию.

Положила на стол.

— Вы знаете эту женщину?

Нина Степановна взглянула на снимок.

И сразу отвела глаза.

Анна заметила это.

— Знаете?

— Да.

— Кто она?

Старушка долго смотрела на свои руки.

Потом тихо произнесла:

— Марина.

— Марина Белова?

Нина кивнула.

— Она жила в тринадцатой квартире?

— Да.

— И пропала двадцать три года назад?

Старушка закрыла глаза.

— Кто тебе рассказал?

— Громов.

Нина Степановна резко подняла голову.

— Ты с ним разговаривала?

— Он приходил утром.

— Зачем?

— Я позвонила в управляющую организацию. Хотела узнать про квартиру.

Старушка побледнела.

— Зря.

Анна почувствовала раздражение.

— Почему все говорят мне одно и то же? Не подходи. Не спрашивай. Не ищи. Что здесь произошло?

Нина Степановна молчала.

Анна наклонилась вперёд.

— Я нашла фотографию. На ней я и Марина. Значит, я её знала. Но ничего не помню. И никто мне никогда о ней не рассказывал.

Старушка смотрела на снимок.

Потом вдруг спросила:

— А шрам у тебя остался?

Анна замерла.

— Какой шрам?

Нина Степановна медленно подняла взгляд.

— На левой руке.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она инстинктивно прикрыла запястье правой ладонью.

— Откуда вы знаете?

Старушка не ответила.

— Нина Степановна.

Та вздохнула.

Очень тяжело.

Словно долго несла что-то и наконец поняла, что больше не может.

— Ты тогда сильно порезалась.

Анна посмотрела на шрам.

— Чем?

— Стеклом.

— Где?

Нина Степановна медленно покачала головой.

— Не надо, Аня.

— Где?

Старушка поднялась.

Подошла к окну.

Посмотрела во двор.

Потом произнесла:

— В тринадцатой квартире.

Анна почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Я была там?

— Да.

— Когда?

Нина Степановна повернулась.

Лицо у неё было серым.

— В ту ночь.

Анна не сразу поняла смысл сказанного.

— В какую ночь?

Старушка сглотнула.

— Когда исчезла Марина.

Несколько секунд Анна не могла произнести ни слова.

Она смотрела на пожилую женщину, ожидая, что та улыбнётся, скажет, что перепутала, что память подводит её.

Но Нина Степановна не улыбалась.

Она выглядела так, словно только что совершила непоправимую ошибку.

— Я была в тринадцатой квартире? — переспросила Анна.

— Да.

— И что там произошло?

Старушка отвернулась.

— Не помню.

— Вы только что сказали, что я порезалась стеклом!

— Это всё, что я знаю.

— Неправда.

Нина Степановна вздрогнула.

Анна сама удивилась резкости собственного голоса.

Она сделала вдох.

Постаралась говорить спокойнее.

— Послушайте. Я не хочу вас пугать. Но со мной здесь происходят странные вещи. Я слышу звуки. Голоса. Кто-то ночью оставил записку под дверью. А сегодня утром дверь тринадцатой квартиры была открыта.

Нина Степановна резко повернулась.

— Что?

— Приоткрыта. Потом закрылась.

Старушка побледнела ещё сильнее.

— Ты уверена?

— Я сфотографировала.

Анна достала телефон.

Открыла снимок.

Показала.

Нина Степановна долго смотрела на экран.

Потом медленно села.

— Господи…

— Что?

Старушка подняла глаза.

— Бумажная печать была цела?

Анна нахмурилась.

— Да. Именно это меня и удивило.

Нина Степановна закрыла лицо ладонями.

— Значит, он снова открыл.

Анна почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Кто?

Старушка не ответила.

— Нина Степановна. Кто открыл дверь?

Та медленно убрала руки от лица.

Посмотрела на Анну.

И произнесла:

— Ты должна уехать.

Анна покачала головой.

— Нет.

— Аня…

— Нет. Я хочу знать правду.

Старушка долго смотрела на неё.

Потом неожиданно спросила:

— Вера оставила тебе только квартиру?

Анна нахмурилась.

— В смысле?

— Документы. Письма. Что-нибудь ещё?

— Там много вещей. Я пока не всё разобрала.

Нина Степановна закрыла глаза.

— Тогда ищи.

Анна замерла.

— Что?

— Ищи то, что она спрятала.

— Что именно?

Старушка медленно поднялась.

Подошла к кухонному шкафчику.

Достала небольшую жестяную коробку из-под печенья.

Поставила на стол.

Крышка открылась с сухим металлическим щелчком.

Внутри лежали пуговицы, катушки ниток, несколько старых ключей и маленький бумажный пакет.

Нина Степановна достала пакет.

Протянула Анне.

— Вера просила передать тебе, если ты когда-нибудь вернёшься.

Анна взяла пакет.

Он был лёгким.

На лицевой стороне знакомым аккуратным почерком было написано:

«Ане. Только ей».

Анна осторожно раскрыла его.

Внутри лежал маленький латунный ключ.

Старый.

Потемневший.

На головке была выбита цифра.

13.

Анна подняла глаза.

Нина Степановна смотрела на ключ так, словно он мог укусить.

— Это от той квартиры?

Старушка медленно покачала головой.

— Нет.

— Тогда от чего?

Нина Степановна наклонилась ближе.

И впервые за всё время заговорила почти шёпотом:

— От того, что находится за ней.

Анна почувствовала, как холодеют пальцы.

— За квартирой?

Старушка кивнула.

— Вера говорила, что однажды ты всё вспомнишь.

Анна посмотрела на ключ.

— Что вспомню?

Нина Степановна долго молчала.

Потом произнесла:

— Куда делась Марина.

Анна вышла из одиннадцатой квартиры почти через час.

В голове шумело.

Она держала ключ в кармане куртки и то и дело касалась его пальцами, проверяя, на месте ли он.

В подъезде было тихо.

Снизу доносились голоса жильцов.

Где-то хлопнула входная дверь.

Анна поднялась на несколько ступеней и остановилась перед квартирой №13.

Пожелтевшая бумажная полоса по-прежнему пересекала дверную коробку.

Номер висел криво.

Из отверстия вместо глазка смотрела темнота.

Анна медленно достала ключ.

Посмотрела на цифру.

Тринадцать.

Потом на дверь.

Она знала, что Нина Степановна сказала: ключ не от квартиры.

Но всё равно захотела проверить.

Анна приблизилась.

И вдруг заметила маленькую деталь.

На дверной коробке, почти у самого пола, виднелась тонкая металлическая пластина.

Прямоугольная.

С двумя ржавыми шурупами.

Раньше она её не замечала.

Анна присела.

Провела пальцем по краю.

Пластина слегка подалась.

За ней оказалась узкая щель.

А в щели — замочная скважина.

Совсем маленькая.

Анна почувствовала, как сердце заколотилось.

Она посмотрела на ключ.

Потом на скважину.

Размер подходил.

Анна медленно вставила ключ.

Он вошёл почти без сопротивления.
Она повернула его.
Где-то внутри стены раздался негромкий металлический щелчок.
И в тот же момент за её спиной прозвучал мужской голос:
— Я бы на вашем месте этого не делал.
Анна резко обернулась.
На лестнице стоял Виктор Громов.
Он больше не улыбался.

ГЛАВА 3. Женщина с фотографии

— Отойдите от двери, Анна Сергеевна.

Виктор Андреевич Громов произнёс это негромко, почти вежливо. Но в его голосе не осталось ничего от той добродушной интонации, с которой он разговаривал с ней утром.

Анна по-прежнему сидела на корточках возле дверного косяка. Правая рука сжимала маленький латунный ключ, вставленный в замочную скважину у самого пола.

Где-то внутри стены ещё затихал металлический щелчок.

Она медленно поднялась.

— Вы за мной следите?

Громов стоял на верхней ступеньке лестницы. В левой руке он держал потёртую кожаную папку, в правой — связку ключей. Его пальто было расстёгнуто, на плечах темнели мелкие капли дождя.

— Я отвечаю за техническое состояние дома, — ответил он. — А вы пытаетесь открыть неизвестное устройство в стене. По-моему, моё появление вполне объяснимо.

— Неизвестное устройство?

— Именно.

— Вы ведь знаете, что это.

Громов посмотрел на металлическую пластину.

Всего на мгновение.

Но Анна заметила.

— Старый технический замок, вероятно, — сказал он.

— Вероятно?

— Я не могу помнить каждый болт в доме, которому больше полувека.

Он спустился с последней ступеньки и приблизился к двери.

Анна невольно отступила.

Громов заметил это движение.

— Не бойтесь. Я не собираюсь отнимать у вас ключ.

— А кто сказал, что я боюсь?

— Никто.

Он улыбнулся.

Улыбка получилась усталой.

— Но вы держите его так, словно я собираюсь напасть.

Анна посмотрела на свою руку.

Пальцы действительно побелели.

Она ослабила хватку.

Громов присел возле дверного косяка.

Его движения были уверенными, привычными. Он провёл ладонью по деревянной поверхности, осторожно нажал на металлическую пластину и повернул голову, прислушиваясь.

— Где вы это нашли?

— Что именно?

— Ключ.

— Среди вещей Веры Павловны.

Громов медленно поднял на неё глаза.

— Вот как.

— Что-то не так?

— Нет. Просто удивительно, что она сохранила подобную вещь.

— Значит, вы знаете, от чего он?

— Я знаю, что раньше здесь проходили коммуникации. Часть замков осталась ещё со времён капитального ремонта. Некоторые давно ни к чему не ведут.

Он поднялся.

Поправил манжету правой рубашки.

Аккуратно, двумя пальцами.

Анна заметила эту привычку ещё утром.

— Вы открыли замок? — спросил он.

— Кажется.

— Кажется?

— Я повернула ключ. Что-то щёлкнуло.

Громов посмотрел на дверь квартиры №13.

Потом на стену.

— Тогда лучше ничего больше не трогать.

— Почему?

— Потому что неизвестно, что именно вы открыли.

Анна почувствовала раздражение.

— Виктор Андреевич, вы постоянно говорите загадками. Сначала советуете не интересоваться квартирой. Теперь утверждаете, что не знаете, куда ведёт замок. При этом каждый раз оказываетесь рядом, когда я пытаюсь что-то выяснить.

Громов молчал.

— Вы понимаете, как это выглядит?

Он медленно выдохнул.

— Понимаю.

— И?

— И думаю, что вы приехали сюда с совершенно неправильными представлениями о том, что произошло двадцать три года назад.

Анна замерла.

— Тогда расскажите, как всё было.

Громов посмотрел на неё долгим взглядом.

— Иногда правда оказывается гораздо скучнее слухов.

— Меня устроит скучная правда.

— Марина Белова исчезла. Полиция проводила проверку. Её не нашли.

— А что случилось с квартирой?

— Она долго стояла пустой. Потом начались проблемы с документами, наследниками, состоянием помещений. В конце концов доступ ограничили.

— И всё?

— Всё, что я могу вам сказать.

Анна почувствовала, что разговор снова зашёл в тупик.

Она убрала ключ в карман.

— Хорошо. Тогда я обращусь за документами официально.

Громов кивнул.

— Разумное решение.

Он уже собирался уйти, когда Анна спросила:

— Вы знали Марину лично?

Мужчина остановился.

— Да.

— Какой она была?

Громов не сразу ответил.

На лестнице снизу хлопнула дверь. Послышались голоса, детский смех, торопливые шаги.

Обычная жизнь.

Совершенно неуместная на этой холодной площадке.

— Упрямая, — наконец произнёс Громов.

Анна подняла глаза.

— В каком смысле?

— Из тех людей, которые считают, что имеют право знать всё.

Он посмотрел на неё.

— Вы немного на неё похожи.

— Внешне?

— Нет.

Громов поправил манжету.

— Характером.

И ушёл.

Анна вернулась в квартиру и заперла дверь.

Только после этого позволила себе выдохнуть.

В гостиной было прохладно. За окном мелко моросило, и капли медленно сползали по стеклу, оставляя неровные прозрачные дорожки.

Она положила ключ на письменный стол.

Рядом — фотографию Марины.

Два предмета, которые двадцать три года назад принадлежали людям, знавшим друг друга.

И оба каким-то образом оказались у Веры Павловны.

Анна села в кресло.

Несколько минут просто смотрела на них.

Потом достала телефон и открыла поиск.

Марина Белова. Исчезновение. Улица Тихая. Дом 17.

Результатов оказалось немного.

Несколько объявлений о продаже квартир.

Старые обсуждения ремонта дороги.

Публикация о замене водопроводных сетей.

Ничего о Марине.

Анна изменила запрос.

Добавила год.

Потом город.

Наконец нашла короткую заметку в оцифрованной подшивке местной газеты.

Заголовок был простым:

«Разыскивается пропавшая женщина»

Текст занимал меньше половины газетной колонки.

«Сотрудники правоохранительных органов устанавливают местонахождение Марины Сергеевны Беловой, 27 лет, проживавшей по адресу: улица Тихая, дом 17. Последний раз женщину видели вечером 16 октября. По имеющимся сведениям, она могла покинуть город. Граждан, располагающих информацией, просят обратиться…»

Дальше шёл старый телефонный номер.

Анна перечитала заметку.

Потом посмотрела на фотографию.

Марине было двадцать семь.

На снимке она выглядела моложе.

Возможно, из-за улыбки.

Возможно, из-за того, что ещё не знала, что через два дня исчезнет.

Анна приблизила газетную страницу.

Рядом с заметкой была небольшая чёрно-белая фотография.

Марина смотрела прямо в объектив.

Серьёзная.

Без улыбки.

И совершенно не похожая на женщину с семейного снимка.

Анна задумалась.

«Могла покинуть город».

Почему именно такая формулировка?

Были свидетели?

Она собиралась уехать?

Или кто-то хотел, чтобы все так думали?

Анна сделала снимок экрана.

Потом открыла следующую страницу подшивки.

Ничего.

Ещё одну.

Никаких упоминаний.

Будто Марина Белова исчезла не только из квартиры, но и из памяти города.

К полудню Анна успела выпить три чашки кофе и почти окончательно убедить себя, что всё происходящее можно объяснить.

Ночные голоса — чей-то жестокий розыгрыш.

Открывающаяся дверь — ошибка зрения.

Ключ — часть старой технической системы.

Громов — просто неприятный человек.

Но оставался один вопрос.

Почему Вера Павловна хранила фотографию Марины с надписью «За два дня до случившегося»?

И почему Нина Степановна утверждала, что девятилетняя Анна находилась в квартире №13 в ночь исчезновения?

Она снова достала коробку с фотографиями.

Разложила снимки на диване.

На большинстве были родственники, которых она смутно помнила. На некоторых — совершенно незнакомые люди.

Анна перебирала их один за другим, пока не наткнулась на фотографию, сделанную внутри квартиры.

На снимке Вера Павловна сидела за кухонным столом.

Рядом с ней стояла Марина.

Между ними лежал небольшой магнитофон.

Не кассетный плеер.

Настоящий настольный магнитофон с двумя круглыми катушками.

Анна наклонилась ближе.

Марина держала в руках тонкую металлическую отвёртку.

Перед ней лежал разобранный корпус какого-то устройства.

На заднем плане виднелась открытая дверь.

И человек.

Мужчина.

Он стоял боком к камере, поэтому лицо было плохо различимо.

Но Анна сразу узнала характерную осанку.

Высокий.

Худощавый.

Слегка сутулый.

В рубашке с закатанными рукавами.

Правая рука поднята к левому запястью.

Словно мужчина поправлял манжету.

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она поднесла фотографию к окну.

Посмотрела ещё раз.

Лицо было размыто.

Но жест…

Тот самый.

Она видела его сегодня.

Дважды.

У Громова.

Анна перевернула снимок.

На обороте стояла дата.

14 октября.

И короткая надпись:

«Марина принесла запись. В. А. не должен узнать».

Анна медленно опустилась на диван.

В. А.

Виктор Андреевич.

Она посмотрела на фотографию.

Потом на дату.

14 октября.

Через два дня Марину видели в последний раз.

Анна почувствовала, как внутри всё похолодело.

Она уже не сомневалась, что Вера Павловна знала гораздо больше, чем рассказывала.

Но почему молчала?

И почему оставила всё именно ей?

После обеда Анна решила осмотреть письменный стол.

Он стоял у окна, под старой настольной лампой с тканевым абажуром. Поверхность была отполирована до мягкого матового блеска. На правом углу виднелось небольшое тёмное пятно от чернил.

Стол имел четыре ящика.

Три открылись без труда.

В первом лежали ручки, карандаши, скрепки и пожелтевшие квитанции.

Во втором — старые письма, открытки, несколько фотографий.

В третьем — медицинские документы, рецепты, инструкции от бытовой техники.

Четвёртый ящик был заперт.

Анна потянула ручку.

Безрезультатно.
Она присела.
Осмотрела замочную скважину.
Маленькая.
Латунная.
Почти такая же, как на пластине возле квартиры №13.
Анна замерла.
Потом медленно достала ключ.
Тот самый.
С цифрой тринадцать.
Она вставила его в замок.
Ключ вошёл.
Анна повернула.
Раздался тихий щелчок.
Ящик открылся.
Внутри лежала только одна вещь.
Небольшой коричневый конверт.
На нём аккуратным почерком Веры Павловны было написано:
«Ане. Если ты всё-таки вернулась».
Анна почувствовала, как пересохло во рту.
Она осторожно раскрыла конверт.
Внутри лежали несколько листов бумаги и маленькая фотография.
Первым был короткий рукописный текст.
Анна начала читать.
«Анечка.
Если ты держишь это письмо, значит, я уже не смогу объяснить тебе всё сама.
Я много лет думала, что поступаю правильно, когда молчу. Мне казалось, что время всё исправит, что ты вырастешь и забудешь ту ночь.
Но некоторые вещи нельзя забыть. Даже если очень хочется.
Я не прошу тебя никому мстить.
Не прошу рисковать собой.
Я прошу только одного: не верь тем, кто скажет, что Марина ушла сама.
Она не уходила.
Я знаю это.
Потому что в ту ночь она позвонила мне.
И сказала, что нашла то, что искала.
А потом попросила спрятать тебя.
Прости меня, Анечка.
Я должна была рассказать тебе правду раньше.
Но я испугалась.
И, наверное, так и не перестала бояться.
В. П.»
Анна дочитала письмо.
Потом медленно опустила лист.
За окном продолжал идти дождь.
Где-то внизу сигналил автомобиль.
На кухне тихо гудел холодильник.
Мир оставался прежним.
Но для Анны что-то окончательно изменилось.

Марина не просто исчезла.

Она нашла что-то.

Что-то опасное.

И Вера Павловна знала об этом.

Анна посмотрела на остальные бумаги.

Там был старый план дома.

Пожелтевший.

С выцветшими синими линиями.

На нём были обозначены квартиры, лестничные клетки, технические шахты и помещения.

Анна нашла третий этаж.

Квартира №12.

Квартира №13.

Между ними — толстая несущая стена.

Но за тринадцатой квартирой, ближе к торцу здания, виднелся узкий прямоугольник.

На плане он был подписан:

«Техническое помещение Т-3».

Анна провела пальцем по линии.

Помещение было небольшим.

Примерно два метра в ширину.

Но вытянутым почти на всю длину квартиры.

Она вспомнила слова Нины Степановны.

«От того, что находится за ней».

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

Она перевернула план.

На обратной стороне было написано:

«Вход не из квартиры. Ищи старую дверь за шахтой».

Анна подняла голову.

В памяти всплыл металлический щелчок, который она услышала, повернув ключ возле квартиры №13.

Она открыла не дверь.

Она открыла что-то другое.

Вечером Анна снова вышла на лестничную площадку.

На этот раз она взяла с собой телефон, фонарик и старый план дома.

Она не собиралась входить в квартиру №13.

Пока нет.

Но хотела понять, что именно изображено на чертеже.

На площадке было пусто.

Из квартиры №10 доносились голоса.

Где-то внизу работал телевизор.

Анна подошла к двери №13.

Присела возле металлической пластины.

Та по-прежнему была слегка сдвинута.

Анна осторожно надавила.

Пластина открылась.

За ней виднелась замочная скважина.

Она посмотрела на план.

Техническое помещение Т-3 находилось за стеной квартиры.

Но вход, судя по чертежу, должен был располагаться не здесь.

Анна поднялась.

Осмотрела площадку.

Слева от двери №13 проходила узкая ниша, закрытая старым деревянным щитом.

Раньше Анна не обращала на неё внимания.

Щит был выкрашен в тот же цвет, что и стены.

Внизу виднелась вентиляционная решётка.

Анна подошла ближе.

Провела ладонью по поверхности.

Дерево было холодным.

И влажным.

Она присела.

Посветила фонариком в решётку.

За ней тянулась узкая тёмная полость.

Анна наклонилась ближе.

И вдруг услышала звук.

Тихий.

Металлический.

Будто кто-то осторожно провёл ключом по трубе.

Анна замерла.

Звук повторился.

Потом раздался шорох.

Она медленно отступила.

— Кто там?

Ответа не было.

Анна подняла телефон.

Включила запись видео.

Направила камеру на решётку.

И в этот момент из темноты донёсся женский голос.

Очень тихий.

Почти неслышный.

— Аня…

Она почувствовала, как сердце ударило в горло.

Голос был знакомым.

Но на этот раз он не принадлежал матери.

Анна знала, кому он принадлежит.

Хотя не слышала его двадцать три года.

Марине.

— Аня, — повторил голос. — Не открывай…

Пауза.

Потом шёпот стал отчётливее.

— Он за тобой.

Анна резко обернулась.

Лестничная площадка была пуста.

Но внизу, на пролёте между вторым и третьим этажами, стоял человек.

Высокий.

В тёмном пальто.

Он не двигался.

Просто смотрел на неё.
Анна подняла телефон.
Посветила вниз.
И увидела лицо Виктора Громова.
Он стоял неподвижно.
В правой руке держал связку ключей.
А в левой — небольшой старый магнитофон.

ГЛАВА 4. За стеной

Анна не сразу поняла, что перестала дышать.

Виктор Громов стоял на лестничном пролёте, всего в нескольких метрах от неё. Свет фонарика выхватывал из полумрака его лицо, мокрые плечи тёмного пальто и небольшой магнитофон в левой руке.

Магнитофон был старым, кассетным, с потёртым серебристым корпусом. На крышке кассетоприёмника виднелась длинная трещина, а возле кнопки воспроизведения — тёмное пятно, будто кто-то когда-то пролил на пластмассу чернила.

Анна смотрела на прибор.

Маринин голос.

Он только что прозвучал из-за вентиляционной решётки.

А теперь у Громова в руках был магнитофон.

Совпадение?

Она больше не верила в совпадения.

— Что вы здесь делаете? — спросила Анна.

Голос прозвучал хрипло.

Громов поднял глаза.

— Хотел задать вам тот же вопрос.

— Я живу здесь.

— В двенадцатой квартире, — уточнил он. — А сейчас стоите возле технической шахты с фонариком и телефоном.

Он медленно поднялся на одну ступеньку.

Анна отступила.

Громов остановился.

— Вы меня боитесь?

— А должна?

Мужчина чуть склонил голову.

— Не думаю.

Анна перевела взгляд на магнитофон.

— Что это?

— Старый прибор.

— Я вижу. Зачем он вам?

— Проверяю оборудование.

— Магнитофоном?

Громов улыбнулся.

— Иногда старые записи помогают определить, где проходят пустоты и как распространяется звук. В этом доме сложная система технических каналов.

Объяснение было настолько странным, что Анна на мгновение растерялась.

— Вы хотите сказать, что ходите по подъезду с магнитофоном и слушаете стены?

— Не совсем.

Он посмотрел на решётку за её спиной.

— Вы ведь слышали что-то?

Анна замерла.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что стоите здесь уже несколько минут.

— Вы наблюдали за мной?

— Я поднимался по лестнице.

— И всё?

Громов не ответил.

Он поправил манжету правой рубашки, хотя та была скрыта под рукавом пальто.

Анна заметила движение.

Когда нервничает.

Эта мысль возникла сама собой.

— Виктор Андреевич, — произнесла она медленно, — вы знали Марину Белову?

— Мы уже говорили об этом.

— Вы знали, чем она занималась?

Мужчина посмотрел на неё внимательнее.

— Работала с магнитофонными записями. Реставрировала старые плёнки. Иногда помогала местному архиву.

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— И вы тоже интересовались записями?

Громов чуть улыбнулся.

— В те годы ими интересовались многие.

— А у вас есть её записи?

Пауза.

Короткая.

Но заметная.

— Нет.

Анна посмотрела на магнитофон.

— Тогда откуда у вас этот?

— Купил много лет назад.

Он поднял прибор.

— Хотите посмотреть?

Анна не ожидала такого предложения.

Громов протянул магнитофон вперёд.

Она не двинулась.

Мужчина усмехнулся.

— Анна Сергеевна, вы ищете тайны там, где их нет.

— А вы слишком настойчиво пытаетесь меня в этом убедить.

Улыбка исчезла.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Громов медленно опустил руку.

— Послушайте меня внимательно, — сказал он. — В этом доме есть места, куда жильцам нельзя заходить. Не потому, что там спрятаны какие-то секреты. А потому, что там опасно.

— Опасно для кого?

— Для любого, кто не знает устройства здания.

Он кивнул на решётку.

— За ней старая коммуникационная шахта. Часть перекрытий повреждена. Если вы попробуете что-нибудь открыть, можете получить серьёзную травму.

Анна молчала.

— Я говорю это не для того, чтобы вас напугать.

— А для чего?

Громов посмотрел ей прямо в глаза.

— Чтобы вам не пришлось потом жалеть.
Он развернулся и начал подниматься.
Анна удивлённо посмотрела на него.
— Вы куда?
— На чердак. Проверю вентиляцию.
Он прошёл мимо неё.
На мгновение Анна почувствовала запах табака и машинного масла.
Громов остановился возле лестницы на четвёртый этаж.
Не оборачиваясь, произнёс:
— И ещё, Анна Сергеевна.
Она подняла голову.
— Да?
— Если ночью снова услышите голоса, не разговаривайте с ними.
Анна почувствовала, как похолодели ладони.
— Откуда вы знаете про голоса?
Громов медленно повернулся.
— Старый дом. Здесь всё слышно.
Он улыбнулся.
— Особенно то, чего человек боится.
И поднялся наверх.
Анна вернулась в квартиру и заперла дверь.
На этот раз она не стала проверять замок трижды.
Просто прислонилась к стене и закрыла глаза.
Ей хотелось позвонить кому-нибудь.
Подруге.
Отцу.
Да хоть случайному знакомому.
Рассказать, что происходит.
Услышать нормальный человеческий голос.
Но она представила, как это прозвучит.

Я приехала в квартиру умершей родственницы. Ночью слышала голос матери, которая умерла семь лет назад. Соседка дала мне ключ от тайной комнаты. А смотритель дома ходит по лестнице с магнитофоном.

Анна открыла глаза.
Нет.
Такое не рассказывают по телефону.
По крайней мере, пока нет доказательств.
Она прошла в гостиную.
Положила телефон на стол.
Открыла видеозапись, которую сделала возле решётки.
На экране появилась тёмная деревянная панель.
Камера слегка дрожала.
Был слышен её собственный голос:
— Кто там?
Потом — тишина.
Анна прибавила громкость.
Из динамика донёсся слабый металлический шорох.
Затем женский голос:
— Аня…

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она перемотала запись.

Прослушала ещё раз.

Голос действительно был.

Не показалось.

Но теперь, когда Анна слышала его через динамик телефона, он звучал иначе.

Глуше.

С металлическим оттенком.

Словно воспроизводился на старой кассете.

Анна закрыла глаза.

Марина.

Она никогда не слышала её взрослый голос сознательно.

Не помнила.

Но что-то внутри настойчиво подсказывало: это она.

Анна открыла глаза.

Прослушала запись ещё раз.

— Аня… Не открывай… Он за тобой.

Потом её собственное дыхание.

Шорох одежды.

И шаги Громова.

Анна остановила видео.

Задумалась.

Он за тобой.

Кто?

Громов?

Или кто-то другой?

И главное — кто включил запись?

Она посмотрела на старый план дома.

Техническое помещение Т-3.

Коммуникационная шахта.

Скрытый проход.

Если за стеной действительно существовала полость, туда можно было провести провод.

Установить динамик.

Спрятать магнитофон.

И тогда голос Марины был не призраком.

А записью.

Кто-то специально воспроизвёл её в тот момент, когда Анна подошла к решётке.

Но зачем?

Чтобы напугать?

Предупредить?

Или заманить?

Вечером Анна решила заняться планом дома.

Она разложила его на кухонном столе, прижала края чашками и включила настольную лампу.

Бумага была плотной, пожелтевшей, с тонкими синими линиями и аккуратными техническими обозначениями.

На третьем этаже находились четыре квартиры.

Десятая.

Одиннадцатая.

Двенадцатая.

Тринадцатая.

За последней действительно тянулось узкое помещение, обозначенное как Т-3.

Анна внимательно изучила размеры.

Длина — около восьми метров.

Ширина — чуть больше двух.

Но на плане было кое-что странное.

Техническое помещение не имело отдельного входа с лестничной площадки.

По крайней мере, обычного.

Вместо двери была обозначена узкая линия с маленьким квадратом.

Анна приблизила лист.

Рядом стояла едва различимая надпись:

«Служебный доступ через нишу».

Она вспомнила деревянный щит возле квартиры №13.

Вентиляционную решётку.

Металлическую пластину.

Ключ.

Анна медленно провела пальцем по плану.

Если всё совпадало, вход находился именно там.

Но тогда возникал вопрос.

Почему Громов сказал, что за решёткой только коммуникационная шахта?

И почему так настойчиво предупреждал об опасности?

Анна достала телефон.

Сфотографировала план.

Потом открыла заметки.

Написала:

1. Марина исчезла 23 года назад.

2. Я была в квартире №13 в ту ночь.

3. Вера Павловна знала, что Марина не ушла добровольно.

4. Громов знал Марину и интересуется техническими помещениями.

5. Голос за стеной, вероятно, запись.

6. Ключ открывает старый замок.

Она перечитала список.

Добавила ещё один пункт.

7. Кто-то хочет, чтобы я продолжала искать. Или чтобы перестала.

Анна положила телефон.

И вдруг заметила, что внизу плана, почти у самого края, есть маленькая пометка карандашом.

Очень бледная.

Она поднесла лист ближе к свету.

Там было написано:

«Не все стены настоящие».

Анна долго смотрела на эти слова.

Потом перевернула план.

На обратной стороне, под старой записью Веры Павловны, виднелась ещё одна строка.

«Слушай не там, где стучат».

Анна почувствовала, как внутри всё похолодело.
Она вспомнила ночной стук.
Три удара.
Из стены.
Потом — из входной двери.
Слушай не там, где стучат.
Она медленно подняла голову.
Посмотрела на стену за диваном.
А затем — на противоположную.
Там стоял массивный книжный шкаф.
Высокий.
Почти до потолка.
Анна поднялась.
Подошла к шкафу.
Провела ладонью по деревянной поверхности.
Книги стояли ровными рядами.
На верхней полке — собрания сочинений.
Ниже — энциклопедии.
На третьей — старые детективы.
Анна вдруг заметила, что шкаф стоит не вплотную к стене.
Между задней стенкой и обоями оставался узкий зазор.
Сантиметров десять.
Она посветила туда фонариком.
Пыль.
Паутина.
И что-то ещё.
Тонкая чёрная полоска.
Провод.
Анна присела.
Провела пальцем по полу.
Провод уходил под плинтус.
Она медленно поднялась.
Посмотрела на шкаф.
Потом на стену.
Не все стены настоящие.
Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.
Она начала вынимать книги.
Одну за другой.
Складывала их на диван.
Потом сняла фарфоровые фигурки.
Старые фотографии.
Небольшую вазу.
Когда шкаф опустел наполовину, она попыталась сдвинуть его.
Безрезультатно.
Он был слишком тяжёлым.
Анна упёрлась плечом.
Толкнула.
Шкаф слегка качнулся.
Под ножками скрипнул паркет.

Она попробовала ещё раз.

На этот раз мебель сдвинулась на несколько сантиметров.

Анна остановилась.

Прислушалась.

Тишина.

Она снова толкнула.

Шкаф медленно поехал по полу.

И тогда за ним открылась узкая вертикальная щель.

Не трещина.

Не повреждение штукатурки.

А аккуратный стык двух деревянных панелей, оклеенных теми же обоями, что и вся стена.

Анна замерла.

Она посветила фонариком.

Стык тянулся от пола почти до потолка.

Слева виднелась маленькая металлическая петля.

Справа — углубление, похожее на замочную скважину.

Анна почувствовала, как пересохло во рту.

Не все стены настоящие.

Она медленно протянула руку.

Коснулась панели.

Дерево было холодным.

Она нажала.

Ничего.

Потом попробовала провести пальцем по краю.

Панель слегка подалась.

Изнутри донёсся тихий металлический звук.

Анна отступила.

И вдруг услышала стук.

Тук.

Тук.

Тук.

Три медленных удара.

Но теперь они шли не из стены за диваном.

А прямо из-за деревянной панели.

Анна застыла.

Потом медленно приблизилась.

Приложила ухо.

Сначала ничего.

Затем тихий шорох.

Будто кто-то двигался в узком пространстве за стеной.

Анна почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Кто там? — прошептала она.

Ответа не было.

Она уже собиралась отойти, когда услышала голос.

Очень тихий.

Женский.

— Аня…

Анна закрыла глаза.

Снова.
Голос был тем же.
Мариниым.
Но теперь он звучал иначе.
Ближе.
Почти рядом.
— Аня, — повторил голос. — Не бойся.
Анна почувствовала, как сердце сжалось.
— Кто вы?
Пауза.
Затем:
— Ты ведь помнишь меня.
Анна открыла глаза.
Перед ней была деревянная панель.
Старая.
Покрытая обоями.
И за ней — темнота.
— Марина? — прошептала она.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом голос ответил:
— Да.
Анна почувствовала, как ноги стали ватными.
Она схватилась за край шкафа.
— Где вы?
Тишина.
Потом тихий шорох.
И голос произнёс:
— Там, где ты меня оставила.
Анна отступила.
В голове вдруг вспыхнуло воспоминание.
Короткое.
Резкое.
Как вспышка фотоаппарата.
Тёмная комната.
Запах пыли.
Чья-то рука, сжимающая её запястье.
Боль.
Кровь.
И женский голос:
— Анечка, беги!
Анна резко вдохнула.
Воспоминание исчезло.
Она стояла посреди гостиной, тяжело дыша.
Пальцы дрожали.
Она посмотрела на левое запястье.
На шрам.
Потом на панель.
— Что здесь произошло? — прошептала она.
Из-за стены донёсся тихий щелчок.

Словно кто-то включил старый магнитофон.
И голос Марины произнёс:
— Ты должна вспомнить.
Пауза.
— Потому что он вернулся.
Анна медленно подняла голову.
— Кто?
Ответа не было.
Вместо него послышался другой звук.
Мужской голос.
Глухой.
Искажённый.
Но знакомый.
— Марина, открой дверь.
Анна застыла.
Голос повторил:
— Я знаю, что ты там.
Пауза.
Затем:
— Не заставляй меня входить самому.
Анна почувствовала, как сердце ударило в горло.
Она узнала этот голос.
Виктор Громов.
Молодой.
Без нынешней хрипотцы.
Но несомненно его.
Анна отступила от стены.
И вдруг за панелью раздался резкий металлический удар.
Потом ещё один.
И третий.
Деревянная поверхность дрогнула.
Анна вскрикнула и отшатнулась.
Панель медленно начала открываться.
Не наружу.
Внутрь.
Открывая узкую чёрную щель.
Из темноты пахнуло сыростью, старой пылью и чем-то металлическим.
Анна подняла фонарик.
Направила луч внутрь.
За стеной находился узкий проход.
Не больше метра шириной.
Вдоль одной стены тянулись трубы и старые провода.
На полу лежала толстая пыль.
Но посередине прохода виднелись следы.
Свежие.
Человеческие.
Они уходили в темноту.
Анна медленно сделала шаг вперёд.
И в этот момент телефон в её кармане завибрировал.

Она вздрогнула.
Достала его.
На экране высветился неизвестный номер.
Анна несколько секунд смотрела на него.
Потом ответила.
— Алло?
В трубке послышалось тихое дыхание.
Затем мужской голос произнёс:
— Анна Сергеевна.
Она узнала его сразу.
Громов.
— Где вы? — спросила она.
Мужчина не ответил.
Вместо этого тихо сказал:
— Вы открыли не ту дверь.
Анна почувствовала, как холодеют пальцы.
— Что?
Пауза.
Затем:
— И теперь вам лучше не оборачиваться.
Анна медленно подняла глаза.
На стене перед ней, в узком луче фонарика, появилась тень.
Человеческая.
Высокая.
Она не принадлежала Анне.
Кто-то стоял позади неё.

ГЛАВА 5. Человек с ключами

Анна не обернулась.

Несколько секунд она стояла совершенно неподвижно, глядя на чужую тень, вытянувшуюся по стене узкого прохода.

Тень была высокой, с покатыми плечами и непропорционально длинной шеей. Голова слегка наклонялась вправо, словно человек за спиной пытался рассмотреть, что именно Анна обнаружила за потайной панелью.

В правой руке она держала телефон.

В левой — фонарик.

Из динамика всё ещё доносилось слабое шипение.

— Анна Сергеевна? — повторил Громов.

Она медленно сглотнула.

— Кто у меня за спиной?

Мужчина помолчал.

— Не делайте резких движений.

От этих слов стало только хуже.

Анна почувствовала, как под волосами на затылке выступил холодный пот.

— Кто там? — спросила она громче.

Ответа не последовало.

Зато за спиной раздался звук.

Тихий.

Сухой.

Будто кто-то провёл ногтем по деревянной поверхности.

Анна закрыла глаза.

Не оборачивайся.

Она не понимала, почему послушалась Громова.

Возможно, потому, что впервые за всё время его голос звучал по-настоящему встревоженно.

— Сделайте два шага вперёд, — сказал он.

Анна посмотрела на проход.

Тот уходил в темноту.

Вдоль стены тянулись трубы, покрытые ржавчиной. На полу лежали обломки штукатурки и толстый слой пыли.

— Там темно.

— Я знаю.

— Вы где?

— Недалеко.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы сейчас в доме?

Пауза.

— Да.

Она сделала один шаг вперёд.

Потом второй.

Под ногой хрустнул кусочек стекла.

И в тот же момент позади неё раздался резкий удар.

Анна вскрикнула.

Обернулась.

В проёме между гостиной и тайным проходом стоял человек.

Но не Громов.

Нина Степановна.

Пожилая женщина держала в руках длинную деревянную палку, похожую на черенок от швабры.

На полу возле её ног лежал тяжёлый металлический крюк.

— Господи, Аня! — выдохнула старушка. — Ты что творишь?!

Анна несколько секунд не могла произнести ни слова.

Потом посмотрела на стену.

Тень действительно была высокой.

Но теперь стало понятно почему: фонарик стоял низко, и свет растягивал силуэт пожилой женщины по стене.

Анна почувствовала одновременно облегчение и злость.

— Нина Степановна?!

— А кто ещё?!

Старушка тяжело дышала.

На ней был старый шерстяной кардиган, поверх которого она накинула длинный плащ. Седые волосы выбились из привычного пучка.

— Ты зачем сюда полезла?!

Анна опустила телефон.

— Вы меня напугали!

— А ты меня чуть до смерти не довела!

Нина Степановна посмотрела на открытый проход.

Лицо её изменилось.

— Господи…

Она медленно опустила палку.

— Значит, всё-таки открыла.

Анна почувствовала, как прежний страх возвращается.

— Вы знали, что здесь есть дверь?

Старушка не ответила.

Она смотрела в темноту.

Туда, где тянулись старые трубы и провода.

— Нина Степановна.

Та наконец перевела взгляд на Анну.

— Закрой её.

— Что?

— Закрой. Сейчас же.

— Почему?

Старушка сделала шаг вперёд.

— Потому что если он узнает…

Она осеклась.

Анна подняла телефон.

— Уже узнал.

Нина Степановна замерла.

— Кто?

Анна посмотрела на экран.

Связь ещё не прервалась.

— Громов.

Из динамика донёсся тихий мужской голос:

— Нина Степановна, отойдите от прохода.

Старушка побледнела.

Анна увидела, как дрогнули её губы.

— Виктор? — прошептала она.

— Я сказал, отойдите.

Нина Степановна медленно подняла голову.

И вдруг произнесла с неожиданной твёрдостью:

— Нет.

В трубке повисла тишина.

Потом Громов тихо спросил:

— Что?

— Я больше не буду делать то, что ты говоришь.

Анна переводила взгляд с телефона на старушку.

Она не понимала, что происходит.

Но впервые увидела Нину Степановну не испуганной.

А решившейся.

— Двадцать три года, Витя, — сказала старушка. — Двадцать три года я молчала.

Громов не ответил.

— Хватит.

Она протянула руку к телефону.

— Дай мне.

Анна колебалась.

Потом передала аппарат.

Нина Степановна поднесла его к уху.

— Ты меня слышишь?

— Нина…

— Нет. Теперь ты послушай.

Старушка говорила тихо, но каждое слово звучало отчётливо.

— Если с девочкой что-нибудь случится, я расскажу всё.

Пауза.

— Всё, Витя.

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

На другом конце линии послышался тяжёлый выдох.

Потом Громов произнёс:

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Понимаю.

— Она уже открыла проход.

— Значит, поздно.

— Нина…

— Прощай, Виктор.

Старушка отключила звонок.

Несколько секунд она стояла неподвижно.

Потом медленно опустила руку.

— Нам нужно уходить, Аня.

Анна смотрела на неё.

— Нет.

— Что?

— Я никуда не пойду, пока вы не объясните, что здесь происходит.

Нина Степановна закрыла глаза.

— Не здесь.

— Почему?

Старушка посмотрела в проход.

И тихо произнесла:

— Потому что он слышит.

Они закрыли потайную панель.

Нина Степановна знала, как это сделать.

Она нажала на небольшую металлическую защёлку, спрятанную за деревянной рейкой, и дверь медленно вернулась на место.

Раздался сухой щелчок.

Анна заметила, что старушка даже не искала механизм.

Её пальцы сразу легли туда, куда нужно.

— Вы часто здесь бывали? — спросила Анна.

Нина Степановна не ответила.

Она помогла Анне придвинуть шкаф обратно.

Потом внимательно осмотрела пол.

— Следы остались, — пробормотала она.

— Какие следы?

— От шкафа.

Анна посмотрела на паркет.

Действительно, на полу тянулись две свежие царапины.

Старушка покачала головой.

— Он заметит.

— Кто?

Нина Степановна посмотрела на неё.

Анна раздражённо выдохнула.

— Да, я поняла. Громов.

Старушка опустилась в кресло.

Выглядела она совершенно измученной.

Анна принесла ей воды.

Нина Степановна сделала несколько маленьких глотков.

Потом поставила стакан на стол.

— Ты похожа на неё, — сказала она.

Анна замерла.

— На кого?

— На Марину.

— Громов сказал то же самое.

Старушка невесело усмехнулась.

— Значит, заметил.

— Что именно?

— Как ты смотришь на людей, когда думаешь, что они врут.

Анна села напротив.

— Нина Степановна, пожалуйста. Расскажите мне правду.

Старушка долго молчала.

Потом посмотрела на фотографию Марины, лежавшую на столе.

Её лицо стало другим.

Мягче.

И гораздо старше.

— Она была хорошей девочкой, — тихо сказала Нина Степановна. — Упрямой. Смешливой. Всегда торопилась. Даже когда просто шла в магазин, казалось, что куда-то опаздывает.

Анна не перебивала.

— Марина приехала сюда после смерти отца. Сняла тринадцатую квартиру. Работала с записями, старой техникой. У неё постоянно что-то шуршало, щёлкало, играло. Иногда до поздней ночи.

Старушка слабо улыбнулась.

— Соседи ругались. А она извинялась, приносила пирожки и обещала больше не шуметь. Потом всё повторялось.

Анна посмотрела на фотографию.

Впервые Марина перестала казаться ей просто женщиной из прошлого.

Она стала живой.

С привычками.

С характером.

С голосом, который когда-то звучал в этих стенах.

— А я? — спросила Анна. — Почему я была с ней?

Нина Степановна посмотрела на неё.

— Вера Павловна часто брала тебя к себе. Твоя мама тогда болела, отец много работал. Ты проводила здесь почти каждые выходные.

Анна почувствовала знакомое покалывание в запястье.

— И Марина со мной играла?

— Да.

— Во что?

Старушка задумалась.

— Во всякое. Она любила придумывать истории. Говорила, что в каждом старом доме есть секрет. А ты всё пыталась его найти.

Анна невольно улыбнулась.

— Похоже на меня.

— Очень.

Нина Степановна посмотрела на её руку.

— И был у вас один знак.

Анна почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Три удара?

Старушка подняла глаза.

— Ты помнишь?

— Нет. Мне кажется… Я просто слышала их.

Нина Степановна кивнула.

— Марина придумала. Если кто-то из вас прятался, другая стучала три раза. Это означало: «Я рядом».

Анна закрыла глаза.

И вдруг увидела.

Короткий образ.

Тёмный шкаф.

Пыльный пол.

Свет, падающий из-под двери.

И три тихих удара.

Тук. Тук. Тук.

Она резко открыла глаза.

— Я пряталась?

Нина Степановна замерла.

— Что?

— В ту ночь. Я где-то пряталась?

Старушка побледнела.

— Аня…

— Я помню шкаф. Или что-то похожее. И дверь. Я сидела на полу.

Нина Степановна закрыла лицо ладонями.

Анна наклонилась вперёд.

— Вы знаете, что произошло.

Старушка долго молчала.

Потом тихо произнесла:

— Я знаю часть.

— Какую?

— Ту, за которую мне стыдно.

За окном начало темнеть.

Дождь усилился.

Ветер раскачивал ветви тополя, и те царапали стекло гостиной.

Нина Степановна сидела в кресле, сжимая ладони.

Анна ждала.

Она чувствовала, что сейчас услышит нечто важное.

Возможно, страшное.

Но важное.

— Витя тогда работал с домовой техникой, — начала старушка. — Электрика, связь, подвалы, чердаки. Всё знал. Где какой провод проходит, где можно открыть люк, где старый замок.

Анна кивнула.

— Он и сейчас этим занимается.

— Да. Только тогда был моложе. И люди ему больше доверяли.

— А вы?

Нина Степановна посмотрела на неё.

— И я.

Пауза.

— Особенно я.

Анна почувствовала, что за этими словами скрывается что-то личное.

Но не стала спрашивать.

Старушка продолжила:

— В доме тогда начали происходить странные вещи. Люди жаловались, что кто-то знает их разговоры. То, что они говорили дома, за закрытыми дверями.

Анна нахмурилась.

— Подслушивал?

— Похоже.

— Кто?

Нина Степановна посмотрела на неё.

Ответ был очевиден.

— Громов?

Старушка медленно кивнула.

Анна почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Через технические шахты?

— Не только.

Нина Степановна опустила глаза.

— В некоторых квартирах после ремонта появились новые розетки, коробки, провода. Люди радовались. Витя всё делал быстро и почти бесплатно.

— И ставил устройства для прослушивания?

— Я не знала всего.

Анна внимательно посмотрела на старушку.

— Но что-то знали.

Нина Степановна не ответила.

— Марина это обнаружила?

— Да.

— Как?

— Она разбиралась в технике. Однажды соседка попросила её посмотреть магнитофон. На записи случайно оказался чужой разговор. Марина стала проверять, откуда он взялся.

Анна нахмурилась.

— И нашла систему прослушивания?

— Не сразу. Но нашла.

Старушка посмотрела на дверь.

— А потом начала задавать вопросы.

— Громову?

— Всем.

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— И что произошло?

Нина Степановна закрыла глаза.

— Она нашла записи.

— Какие?

— Чужие разговоры. Личные. Иногда такие, которые люди никому бы не рассказали.

Анна медленно выдохнула.

— Шантаж?

Старушка кивнула.

— Некоторые платили, чтобы записи не попали к другим.

В комнате стало тихо.

Анна посмотрела на старый план дома.

На техническое помещение Т-3.

На скрытый проход.

Теперь всё начинало складываться.

Не полностью.

Но достаточно, чтобы понять: за стенами этого дома двадцать три года назад существовала целая система тайного наблюдения.

И Марина Белова обнаружила её.

— Она собиралась обратиться в полицию? — спросила Анна.

— Да.

— Но не успела.

Нина Степановна опустила голову.

— Не успела.

Анна почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Что сделал Громов?

Старушка долго молчала.

Потом произнесла:

— Он пришёл к ней вечером.

— В ночь исчезновения?

— Да.

— И вы были там?

Нина Степановна закрыла глаза.

Анна ждала.

Наконец старушка прошептала:

— Я помогла ему войти.

Анна почувствовала, как похолодели руки.

Она смотрела на Нину Степановну, не веря услышанному.

— Что?

Старушка не подняла головы.

— Я помогла ему войти в квартиру.

— Зачем?

— Он сказал, что хочет поговорить. Что Марина неправильно всё поняла. Что нужно забрать некоторые вещи, пока не случилась беда.

Анна резко встала.

— И вы поверили?

Нина Степановна вздрогнула.

— Тогда я ещё…

— Вы знали, что он подслушивал людей!

— Не всё!

— Но достаточно!

Старушка закрыла лицо ладонями.

Анна отвернулась.

Подошла к окну.

На улице зажигались фонари.

Мокрый асфальт отражал жёлтые пятна света.

Внизу кто-то торопливо шёл под зонтом.

Обычный вечер.

Обычные люди.

А здесь, в старой квартире, женщина рассказывала, как двадцать три года назад помогла человеку войти в дом другой женщины.

Женщины, которая после этого исчезла.

Анна почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Что произошло потом? — спросила она, не оборачиваясь.

Нина Степановна молчала.

— Вы слышите меня?

— Да.

— Что произошло?

Старушка подняла голову.

Голос её был едва слышен.

— Я не знаю.

Анна резко повернулась.

— Не знаете?!

— Я ушла.

— Когда?

— До того, как всё случилось.
Анна смотрела на неё.
— Вы уверены?
Нина Степановна отвела глаза.
И этого оказалось достаточно.
Анна почувствовала, как внутри всё сжалось.
— Вы врёте.
Старушка закрыла глаза.
— Аня…
— Вы всё ещё врёте.
Нина Степановна заплакала.
Тихо.
Без рыданий.
Просто слёзы покатились по морщинистым щекам.
Анна смотрела на неё.
И вдруг поняла, что не испытывает жалости.
Пока нет.
Слишком многое зависело от того, что эта женщина скрывала.
— Я хочу знать, что произошло с Мариной, — сказала Анна.
Старушка кивнула.
— Знаю.
— И что произошло со мной.
Нина Степановна подняла глаза.
Анна медленно протянула левую руку.
Показала шрам.
— Это случилось тогда?
Старушка посмотрела на запястье.
Её лицо исказилось.
— Да.
— Как?
Нина Степановна долго молчала.
Потом прошептала:
— Ты пыталась открыть дверь.
Анна почувствовала, как сердце ударило сильнее.
— Какую?
Старушка посмотрела на стену за книжным шкафом.
— Ту самую.
Анна медленно повернула голову.
Шкаф стоял на прежнем месте.
Тяжёлый.
Тёмный.
За ним скрывалась деревянная панель.
И узкий проход.
— Я была там? — спросила Анна.
Нина Степановна кивнула.
— Да.
— И что я увидела?
Старушка закрыла глаза.
Пауза затянулась.

Наконец она произнесла:

— То, что тебе не следовало видеть.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что именно?

Нина Степановна медленно подняла голову.

И сказала:

— Марину.

Анна застыла.

— Живую?

Старушка не ответила.

— Нина Степановна.

Та смотрела на неё с выражением такого глубокого ужаса, что Анна невольно отступила.

— Живую? — повторила она.

Нина Степановна открыла рот.

Но вместо ответа вдруг резко повернула голову к двери.

В коридоре раздался звук.

Металлический.

Короткий.

Будто кто-то вставил ключ в замок.

Анна замерла.

Звук повторился.

Затем послышался тихий поворот механизма.

И дверь квартиры №12 начала медленно открываться.

Хотя Анна точно помнила, что заперла её изнутри.

Нина Степановна побледнела.

— Он пришёл, — прошептала она.

Анна почувствовала, как сердце ударило в горло.

Из прихожей донёсся спокойный мужской голос:

— Нина, я же просил тебя не вмешиваться.

Виктор Громов.

ГЛАВА 6. Голос из прошлого

Первой мыслью Анны было схватить телефон.

Второй — что она не успеет.

Виктор Громов стоял в прихожей, ещё не видимый из гостиной. Анна слышала, как он закрыл за собой дверь, как негромко звякнула связка ключей и как подошвы его ботинок прошуршали по старому паркету.

Он вошёл в квартиру так, словно имел на это полное право.

И, возможно, самое страшное заключалось именно в этом.

Не в том, что чужой человек сумел открыть дверь. Не в его спокойном голосе. А в той уверенности, с которой он переступил порог.

Нина Степановна сидела в кресле, вцепившись пальцами в подлокотники.

— Витя, — прошептала она. — Не надо.

— Я ведь просил тебя, Нина.

Громов появился в дверном проёме.

На нём было всё то же тёмное пальто. Волосы аккуратно зачёсаны назад. В правой руке — связка ключей, в левой — небольшой кожаный портфель.

Он посмотрел на Анну.

Потом на Нину Степановну.

И только после этого — на письменный стол, где лежали фотографии, план дома и письмо Веры Павловны.

Его взгляд задержался на бумагах.

Совсем ненадолго.

Но Анна заметила.

— Вы незаконно вошли в мою квартиру, — сказала она.

Громов перевёл взгляд на неё.

— Дверь была открыта.

— Неправда.

— Возможно, замок неисправен.

Анна почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я видела, как вы его открыли.

— Вы находились в гостиной.

Он произнёс это спокойно.

Почти безразлично.

Анна замерла.

Громов слегка улыбнулся.

— Не стоит утверждать то, чего вы не видели.

Нина Степановна опустила голову.

Анна поняла, что мужчина привык разговаривать именно так.

Не угрожать напрямую.

Не кричать.

Не спорить.

Просто заставлять человека сомневаться в очевидном.

— Уходите, — сказала она.

Громов не двинулся.

— Анна Сергеевна, нам необходимо поговорить.

— Мы уже разговаривали.

— Боюсь, вы не всё поняли.

— Тогда объясните.
Он посмотрел на Нину Степановну.
— Наедине.
— Нет, — неожиданно твёрдо сказала старушка.
Громов медленно повернул голову.
— Нина.
— Я останусь.
Мужчина несколько секунд смотрел на неё.
Потом вздохнул.
— Как скажешь.
Он прошёл в гостиную.
Анна отступила к письменному столу.
Громов остановился возле шкафа.
Провёл пальцами по деревянной поверхности.
Посмотрел на пол.
На свежие царапины от передвинутой мебели.
— Значит, всё-таки нашли, — произнёс он.
Анна почувствовала, как сердце ударило сильнее.
— Что именно?
— Старый проход.
Он повернулся.
— Вы ведь уже открывали его?
Анна молчала.
Громов кивнул.
— Понятно.
Он поставил портфель на пол.
Потом медленно расстегнул пальто.
Анна напряглась.
— Что вы делаете?
— Мне жарко.
Он снял пальто и аккуратно повесил его на спинку стула.
Затем поправил манжету правой рубашки.
Нина Степановна следила за каждым его движением.
— Витя, уходи, — сказала она.
— Я уйду, когда мы закончим.
— Ты уже всё испортил.
Громов посмотрел на неё.
— Нет, Нина. Всё испортили двадцать три года назад.
В комнате стало тихо.
Анна почувствовала, как холодеют пальцы.
— Что произошло двадцать три года назад? — спросила она.
Громов посмотрел на неё.
Долго.
Внимательно.
Потом произнёс:
— Вы действительно хотите знать?
— Да.
— Даже если правда окажется неприятной?
— Да.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

Громов подошёл к столу.

Взял фотографию Марины.

Посмотрел на неё.

На его лице появилось странное выражение.

Не злость.

Не страх.

Скорее усталость.

— Марина была очень умной женщиной, — сказал он. — Но у неё имелся один недостаток.

Анна молчала.

— Она не умела останавливаться.

Он положил фотографию.

— Иногда люди находят то, что им не принадлежит. Чужие письма. Чужие разговоры. Чужие секреты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.